МИССИЯ ВЫПОЛНИМА

АЛЕКСЕЙ РОСТОВЦЕВ

ТАЙНА ПРОЕКТА «WH»

Миссия выполнима

Алексей Ростовцев

Тайна проекта «WH»

«ВЕЧЕ»

2021

Ростовцев А. Д.

Тайна проекта «WH» / А. Д. Ростовцев — «ВЕЧЕ», 2021 — (Миссия выполнима)

ISBN 978-5-4484-8677-7

В одном из глубоких каньонов забытой Богом и людьми латиноамериканской страны Аурики заклятые враги человечества построили сверхсекретный объект, где разрабатывается мощнейшее психотронное оружие, призванное оболванить людей, лишить их разума и таким образом обеспечить обладателям этого оружия господство над миром. За несколько часов до своего провала советскому разведчику Алексею Ростовцеву удаётся раскрыть дьявольскую тайну объекта «Дабл-ю-эйч». В книгу также включена повесть «Ушел в сторону моря», посвященная расследованию обстоятельств гибели южно-корейского «боинга» над Японским морем в ночь с 31 августа на 1 сентября 1983 года. Человек, избравший своим литературным псевдонимом имя Алексей Ростовцев, — кадровый разведчик с двадцатипятилетним стажем и с шестнадцатилетним опытом работы за рубежом. В разведку пришёл из контрразведки. Широкому кругу читателей хорошо известен как автор многочисленных рассказов и очерков по тематике спецслужб.

ISBN 978-5-4484-8677-7

© Ростовцев А. Д., 2021
© ВЕЧЕ, 2021

Содержание

Тайна проекта «WH» 6
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Алексей Дмитриевич Ростовцев
Тайна проекта «WH»

© Ростовцев А.Д., 2021
© ООО «Издательство «Вече», 2021
© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2021

Моим друзьям и коллегам по службе посвящается

Тайна проекта «WH»

Я прибыл в Аурику в обычный августовский день года одна тысяча девятьсот семьдесят второго от Рождества Христова. Пятьдесят пятого года Октябрьской революции.

В этот день начальник шахской охранки в Тегеране закончил инкрустацию одной из стен своего кабинета наманикюренными женскими ногтями, которые были выдраны им во время пыток.

В этот день президент Центральноафриканской республики Бокасса велел подать себе на обед жаркое из ляжки приглянувшейся ему ученицы столичного колледжа. Будущий император потихоньку занимался людоедством.

В этот день сорок тысяч детей Земли умерли от недоедания и эпидемий.

В этот день некий репортёр спросил у студента прославленного британского университета, что знает студент о Второй мировой войне. В той войне, гласил ответ, Германия и Россия воевали против Англии, которая наголову разгромила обоих своих противников.

В этот день другой репортёр по другую сторону Атлантического океана поинтересовался у безработного, поселившегося с семьёй в пустом контейнере для перевозки крупногабаритных грузов, хотел бы он, безработный, смены строя. Не хотел бы, гласил ответ, потому что при существующем строе никто никогда не теряет шансов стать миллионером.

Это был обычный день, а таких дней в том високосном году было триста шестьдесят шесть.

Столица Аурики Ла Палома, если смотреть на неё издали, со стороны океана, похожа на Ялту или на Баку. Только Ялта в сравнении с ней слишком мала, а Баку слишком велик. Город живописно раскинулся на зелёных холмах, опоясавших круглый залив.

Разнокалиберные и разномастные суда у причалов, задранные вверх стрелы кранов, белый маяк на кончике длинного мола да широкие песчаные пляжи, протянувшиеся справа и слева от порта, делают Ла Палому мало отличимой почти от любого большого приморского поселения южных широт. Однако так лишь кажется издали. В действительности же город весьма своеобразен и представил бы несомненный интерес, как для историка архитектуры, так и для этнографа. Немногочисленные и не очень высокие небоскрёбы, торчащие в центральной части Ла Паломы, смазывают её индивидуальность лишь в той степени, в какой стандартная мода вредит обаянию красавицы.

Главная улица столицы – проспект Делькадо – протянулась от порта к горе Катпульче, давно потухшему вулкану, на одном из склонов которого, у самой вершины, хорошо видна скульптура распятого Христа, вырубленная из гигантского каменного монолита. На проспект, как бусинки, одна за другой нанизаны три овальные площади – Независимости, Свободы и Всеобщего Равенства. Площадь Свободы – административный центр города. Здесь расположены дворец президента, Министерства общественной безопасности и полиции, кафедральный собор и парламент, а также казармы президентской гвардии. Всё это тяжёлые мрачноватые здания эпох барокко и ампира. Посреди площади на двенадцати колоннах из серого гранита покоится двадцатиметровой высоты куб. Каждая из его вертикальных граней как бы поделена пополам по диагонали. Верхние половины облицованы белым мрамором, нижние – чёрным. Над кубом в хрустальной чаше вьётся Вечный огонь. Внутри куба в таинственном прохладном полумраке стоит саркофаг с набальзамированным телом великого сына Аурики – генерала Аугусто Делькадо. Поток людей к усыпальнице не иссякает даже по ночам. Доступ в мавзолей открыт круглые сутки.

Слева и справа от места последнего успокоения вождя ауриканской революции возвышаются два памятника – Делькадо и Мендосе. Первый, молодой и гибкий, запрокинулся на

вздыбленном коне с саблей, занесённой для удара. Второй, пожилой и грузный, набычился в кресле, положив руки на подлокотники. Сидячий Мендоса равен по высоте конному Делькадо.

В центральной части Ла Паломы много строений, чей вид характерен для старых испанских городов. Мавританский стиль повсеместно сочетается здесь с готикой. Поражает обилие церквей и церквушек. Каждой из них можно любоваться часами.

Бедняцкие окраины столицы неблагоустроенны и грязны. Их вопиющего убожества не могут заслонить ни стройные пальмы, ни двухметровые банановые листья, которые в тропиках выполняют функции среднеширотных лопухов, то есть торчат из-под заборов, если у хозяев этих заборов имеются дела поважнее разбивки газонов и палисадников.

Достигнув Ла Паломы, я остановился в недорогом отеле у площади Всеобщего Равенства. Мне надо было пару дней поболтаться по городу для знакомства с ним и обстановкой. Для притирки. Для вживания в новую среду.

Каждое утро после завтрака я покупал в газетном киоске у Министерства связи вчерашнюю «Бэцэтку» – так мои коллеги в ГДР называли западноберлинский бульварный листок «Berliner Zeitung», необычайно популярный в бюргерских кругах, – и пешком углублялся в городские кварталы. «Бэцэтку» вместе с другими европейскими газетами ежедневно доставляли в Аурику самолётом. Её тут быстро раскупали местные немцы.

С утра до позднего вечера я бродил по Ла Паломе, рассматривал витрины, сидел у фонтанов в тени кокосовых пальм, заходил в кафе, чтобы перекусить, приглядывался, прислушивался. Пестрая разноязыкая толпа шумела вокруг. До меня никому не было дела. Только президент Мендоса в полной форме генералиссимуса внимательно следил за мной, куда бы ни направлял я мои стопы. Бюсты и портреты диктатора были выставлены чуть ли не в каждом окне. В семьдесят втором году Отцу Отечества стукнуло восемьдесят; это был больной и немощный старик, однако все его скульптурные и живописные изображения запечатлели крепкого сорокапятилетнего мужчину с энергичным лицом преуспевающего гангстера средней руки. Крестам и звездам было тесно на груди Мендосы. Они лезли на плечи, к пышным эполетам, растекались по бедрам. Я неоднократно делал попытки сосчитать президентские регалии, но всякий раз сбивался. Позже мне сказали, что их девяносто две.

На первый взгляд обстановка в городе была спокойной. Однако постепенно я отмечал для себя все новые и новые признаки нестабильности. Прежде всего – необычайно большое количество военных на улицах. Кого тут только не было! И неряшливые, плохо одетые служащие ауриканской армии, и слегка разболтанные, но в общем бравые, в форме с иголочки янки, и немолодые, бывалые, хорошо экипированные солдаты Иностранного легиона, и гвардейцы президента в опереточных мундирах. Повсюду висели плакаты, изображавшие головореза со зверской синей рожей и с автоматом в руках. Они призывали чужеземцев, проживающих в Аурике, вербоваться на службу в Иностранный легион, чтобы принять посильное участие в борьбе Свободного мира с красной заразой. Условия были весьма выгодными. За три года службы в легионе можно было сколотить небольшое состояние. В случае гибели легионера все заработанные им деньги переводились его семье или другим лицам согласно завещанию.

Пошли шестые сутки моего пребывания в Аурике, и на «Бэцэтку» наконец клюнул нужный мне человек. В тот день меня занесло в район порта. Когда настало время обедать, я бросил якорь в симпатичной таверне с видом на залив, где еле различимый за лесом кранов дремал авианосец ВМС США в окружении кораблей конвоя. Сделал заказ и принялся не спеша листать старую сплетницу. На первой полосе было огромными литерами набрано сообщение о том, как миллионеру удалось самому спасти своё состояние. Грабители потребовали, чтобы он отпер сейф и выложил его содержимое, а в сейфе-то хранился пистолет, из которого богач и ухлопал налетчиков. Далее следовало подробное описание изнасилования известной кинозвезды её почитателями. Преступное деяние было совершено у ворот виллы, принадлежавшей актрисе. Западноберлинские проститутки публиковали две положенные страницы объявлений

с указанием своего возраста, цвета волос и номеров телефонов, а также размеров бюстгальтеров. Лютеранская церковь извещала паству о новом цикле проповедей. В море рекламных анонсов затерялся гороскоп. Я родился под знаком овена. Овен по-немецки «Widder». Его легко найти, он всегда сверху, с него начинается любой гороскоп. Вчерашний овен посулил мне удачу через завязывание выгодных знакомств.

Едва я закончил изучение гороскопа, как за мой столик, не спрашивая разрешения, плюхнулся неопределённого возраста мешковатый субъект с лицом, обожженным солнцем, жизненными бурями и алкоголем.

– Чёрт побери! – завопил он на милом моему слуху саксонском диалекте. – Кажется, мне посчастливилось встретить соотечественника! Я издали заметил немецкую газету!

Мне оставалось только представиться:

– Арнольд Фогт.

– Крашке. Герхард Крашке, чёрт побери!

В этот момент кельнер поставил передо мной обед. Крашке мигом заказал себе такой же и по рюмке ямайского рома нам обоим. Через пять минут мы уже пили на брудершафт, а ещё через полчаса я знал о моём новом знакомце почти всё.

Крашке родился в Дрездене в семье пивовара. В сорок четвёртом достиг призывного возраста и был мобилизован. Ему повезло. Он воевал на Западе и потому отделался незначительными травмами морального порядка. Хотя и на Западе иногда тоже убивали. Вернувшись из американского плена, увидев прах родного города и не застав в живых никого из близких, впервые осознал, что такое война. Однако осознал не полностью, поскольку впоследствии сделал войну своей профессией. А разве следовало ожидать от него чего-либо другого? Ведь он был бюргером, сыном, внуком и правнуком бюргеров. Крашке инстинктивно шарахнулся прочь от обгорелых кирпичей и чёрных головешек Дрездена, но если бы союзники и не стёрли с лица земли Флоренцию на Эльбе, он всё равно приземлился бы по другую сторону демаркационной линии, потому что там было сытнее, теплее, надёжнее. По крайней мере, так казалось. Вскоре он уяснил, что человеку, не знающему иного ремесла, кроме военного, нечего делать в мирной Европе. И Крашке нашёл применение этому ремеслу в других частях света. Он воевал за французов во Вьетнаме, за них же в Алжире, за израильтян против арабов, потом снова во Вьетнаме, теперь уже за американцев. Правда, воевал не очень старательно.

– Знаешь, Арнольд, – сказал он мне в доверительном тоне после четвёртой рюмки. – Когда-нибудь я покажу тебе мой зад. Он весь иссечен осколками и пулями коммунистическими, патриотическими, фашистскими и еще разными другими. Нет на нем живого места… Десятки лет я наблюдал одно и то же: люди палили один в другого якобы ради каких-то там идей и убеждений. На самом деле причина взаимной ненависти была совсем иная: они просто не могли мирно поделить землю, воду и небо, барахло, жратву и баб. И денег. Я пришел к этому через боль моего зада. В идеи не верю. Верю в материальные ценности. В банкноты. В недвижимость. Сюда приехал, чтобы заработать на старость, чтобы вернуться на родину не с пустым карманом, чтобы умереть в достатке. Бедных никто не любит, даже близкие родственники их не терпят. Богатых почитают не только друзья, но и враги. Богатство даёт власть, а власть даёт богатство. Богатство и власть делают человека неприкасаемым, превращая грехи его, в том числе самые кровавые, в добродетель…

– Не могу сообразить, – перебил я Герхарда, – где твой зад мог повстречаться с фашистскими пулями.

Крашке печально улыбнулся.

– В сорок пятом я жил в полуразрушенном доме на окраине Дрездена. Мой сосед оказался бывшим эсэсовцем. Когда за ним пришли русские, он успел выпустить в них очередь из автомата. В русских не попал, а попал в меня. Черт бы его побрал, этого ублюдка!

– Ты полегче насчет эсэсовцев! Мой отец служил в СС и погиб от рук коммунистов.

– Прости, Арнольд, я не хотел оскорбить памяти твоего отца.

– А почему зад у тебя пострадал гораздо больше других частей тела?

– Потому что я старался по возможности не подставлять противнику мою грудь.

Мы рассмеялись. Крашке продолжал откровенничать:

– Я вообще-то вояка никудышный. Я, может, и не убил никого, по крайней мере, не старался убить. Для чего мне это? Я набожен. Когда есть время, хожу в кирху. На рай мне, видимо, не приходится надеяться, но считаю себя вполне достойным чистилища.

– Итак, Герхард, ты дуалист.

– Что такое дуалист?

– У тебя, как и у миллионов других человеков, два бога: всевышний и деньги.

Крашке обиделся, и настала моя очередь извиняться.

– А тебе приходилось убивать? – спросил он.

– Да, и не однажды, – ответил я.

– Ну и как?

– Сначала было не по себе, потом привык. Ко всему привыкаешь.

– Ты что же, не веришь в бога?

– Нет, не верю. Но деньги мне нужны не меньше твоего.

Крашке нахмурился, но через минуту посветлел и заметил, как бы подводя итог нашему диалогу:

– Последнее нас объединяет. Будем действовать сообща. Ты сейчас откуда?

– Из Кейптауна. А до этого провел пару лет в Намибии.

– Не слыхал. Где это?

– Юго-Западная Африка. Наша бывшая колония. Там еще помнят немецкий язык.

– Из Африки приехал, говоришь? Почему ж на тебе загара не видно?

– В Южной Африке теперь зима.

– Зим-а-а?! В Сахаре и летом и зимой, как в пекле, было.

– То в Сахаре. А в Кейптауне иногда даже снег выпадает.

– Что за народ живет в Намибии?

– Племена овамбо, дамара, гереро, нама, каванго. В общем – негры. Есть и белые. Но их совсем мало.

– Чем ты там занимался?

– Воевал с партизанами СВАПО.

– Кто такие?

– Считай, что коммунисты.

– А кто платил?

– Правительство Южно-Африканской республики.

– Много платили?

– Немало, но меньше, чем стоят кровь и жизнь.

– Сколько всё-таки?

– Четыреста рандов в неделю.

– Не понимаю.

– Ну, ранд – это чуть больше доллара.

– Что думаешь делать здесь?

– Ещё не решил.

– А я уже решил. Завербуюсь в Иностранный легион. Папаша Мендоса не скупится, если речь идет о расходах на войну с красными… Другого занятия иностранцу в Аурике не найти. Уровень безработицы тут весьма высок. Советую и тебе последовать моему примеру. Всё равно ты придешь к этому рано или поздно.

Я задумался. Инструкции, полученные в Центре, давали мне право самому решать вопросы трудоустройства, действуя при этом в соответствии с обстановкой. Служба в Иностранном легионе не исключалась, однако мне строго предписывалось ни в коем случае не принимать участия в военных операциях, а тем паче в карательных акциях. Иностранный легион хорош прежде всего тем, что там никто не интересуется, откуда ты и зачем. Там от тебя требуются только три вещи: железное здоровье, выносливость и владение военным ремеслом. Легион – это надежный способ утвердиться на новом месте и продемонстрировать свою лояльность правительству.

Пока я размышлял, Герхард продолжал болтать. Он рассказал о том, что у него в Ла Паломе есть дядя по имени Рудольф, в прошлом активный нацист. Дядя этот большая свинья. Он человек со связями и мог бы устроить Герхарду непыльную, хорошо оплачиваемую должность, но делать этого не желает, так как считает своего престарелого племянника забулдыгой, которому недостает ума, образования и светских манер для того, чтобы претендовать на приличное положение в обществе. С его легкой руки за Крашке в здешней немецкой колонии утвердилось прозвище Швейк, а с такой кличкой могут и в Иностранный легион не взять. Der Affenarsch (обезьяний зад – немецкое ругательство) – так назвал Герхард дядю, забыв о том, что фюрер и его подручные, перед памятью коих дядя пресмыкается по сей день, не имели ни ума, ни образования, ни манер, но тем не менее потрясали судьбами мира. Дядя презирает Герхарда не за то, что он никогда ничему не учился, а за то, что Герхард беден, как церковная мышь. Если бы у Герхарда были деньги, дядя вёл бы себя по-другому.

– Ладно! – перебил я своего нового приятеля. – Легион так легион! Сегодня отдыхаем, а завтра идем на вербовочный пункт.

Крашке несказанно обрадовался моему решению, и мы выпили ещё по одной за удачу, после чего распрощались до следующего дня.

На вербовочном пункте за главного был крепкий рослый парень в форме сержанта армии США. Он велел нам заполнить по короткой анкете, содержавшей не более восьми вопросов. Требовалось назвать имя и фамилию, а также сообщить данные о возрасте, национальности, гражданстве, образовании, адресе одного из родственников и номере текущего счёта. В качестве родственницы я указал двоюродную сестру в Западном Берлине. Эта «сестра» была пока единственной ниточкой, связывавшей меня со своими. Что же касается счёта, то и он был, так как накануне я предусмотрительно поместил небольшую сумму в один из банков Ла Паломы.

Заполнив анкеты, мы с Герхардом отправились к медикам, расположившимся под белым парусиновым тентом во дворе вербовочного пункта. Врачей было трое: терапевт, окулист и кожник-венеролог. Через десять минут я был признан годным к строевой службе. С Крашке медики провозились целых пятнадцать минут: их смутил возраст Герхарда. После того как на наших анкетах были сделаны отметки о состоянии здоровья, мы предстали перед сержантом. Последний сидел тут же, во дворе, за отдельным столом, на котором лежала стопка бумаг, придавленных автоматным рожком, чтоб документы не унёс ветер. Я подошёл первым.

– Стрелять умеешь? – спросил сержант, бегло просмотрев мой формуляр.

Я взял у него автомат и пулями написал на глухом заборе: «Vogt».

– Что это? – поинтересовался он.

– Это моя фамилия.

Сержант недовольно поморщился.

– Здесь такое не пойдет. Советую тебе называться по имени и на испанский манер: Арнольдо.

– Ну, Арнольдо, так Арнольдо, – согласился я.

– А как у тебя насчет ближнего боя? Покажи!

Тут сержант встал и приблизился ко мне. Я показал.

– Well[1], – буркнул он, поднимаясь с земли и отряхивая с мундира пыль. – Ты где воевал в последний раз?

– В Африке.

– В качестве кого?

– Командовал ротой.

– Покомандуешь пока взводом, а там видно будет. Последний вопрос: на кой дьявол тебе понадобилось оканчивать университет?

– Заблуждения молодости. Теперь от этого ничего не осталось.

– Ну-ну. Иди в кассу, получи подъёмные. Завтра к семи ноль-ноль явишься на службу. Следующий!

Само собой, сержант обращался ко мне и другим не на «ты», а на «вы», поскольку в английском языке нет местоимения «ты». Но это «вы» звучало у него как «ты», и я думаю, что если бы в английском языке существовало местоимение «ты», то американцы пользовались только им.

Остановившись в сторонке, я стал наблюдать, как сержант расправляется с Герхардом. Крашке плохо стрелял и от первой же примитивной подножки полетел на землю. Сержант пришёл в ярость.

– Ну, какой ты солдат?! – орал он. – Ты мешок с дерьмом, а не солдат! А ещё немец! Твоё счастье, что в Интернациональном легионе много вакансий! И все равно не знаю, куда тебя девать!

– Прошу зачислить его в мой взвод, – подал я голос.

– Что-о-о?! Святой закон всех армий – не определять земляков в одно подразделение. Они моментально снюхиваются и начинают вместе соображать, как бы поскорее дезертировать или отмочить ещё какую-нибудь пакость… Впрочем, так и быть, забирай этот тухлый окорок. Кроме тебя, его никто больше не возьмёт. Но гляди мне! Под твою ответственность!

Я кивнул.

– Будешь называться Хорхе, – продолжал сержант, обращаясь уже к Герхарду. – Можешь получить деньги. Проваливай! Следующий!

Крашке ковылял за мной к кассе, рассыпаясь в благодарностях.

В этот день я отправил первое письмо «сестре», где сообщал о принятом мною решении.

На следующее утро нам выдали форму, оружие и боеприпасы. Нельзя не признать, что экипировка наша была добротна, проста и удобна: свободный маскировочной расцветки комбинезон, короткие лёгкие сапоги, зелёный берет, рюкзак с небольшим запасом консервов и походной аптечкой, подсумок для патронов, сапёрная лопатка. Я как офицер получил еще полевую сумку, компас, линейку, электрический фонарь, блокнот и авторучку.

Шестой батальон Иностранного легиона, куда мы были зачислены, находился в стадии формирования. Это обстоятельство было мне на руку, так как я мог рассчитывать по крайней мере на месяц-полтора спокойной жизни.

Легион комплектовался из разного сброда. Это были преимущественно иностранцы европейского или североамериканского происхождения, совершившие разного рода уголовные преступления у себя на родине и скрывавшиеся от правосудия. Вербовались в это войско также бродячие ландскнехты типа Крашке, матросы, списанные с кораблей за строптивый нрав и пьянство, просто проходимцы – люди без каких-либо профессиональных знаний и политических убеждений. Никогда, ни до, ни после, мне не приходилось видеть стольких подонков, собранных в одну кучу.

С брезгливой неприязнью смотрел я на пиратские рожи солдат моего взвода, выстроившихся передо мной в извилистую шеренгу. На левом фланге стоял низкорослый Крашке и

[1] Хорошо (*англ.*)

ел меня глазами. У остальных был довольно безучастный вид. Многие жевали резинку. Один даже курил.

– На каком языке будем изъясняться? – спросил я по-английски.

Оказалось, что почти все понимают этот язык.

Я велел им подтянуть пояса и выровнять строй. Солдаты нехотя повиновались. Меня раздражал куривший, и я приказал ему выбросить сигарету в железный мусорный ящик, стоявший у края учебного плаца.

– Нет, сэр, – ответил он, – тут осталось еще на пару затяжек. Вот докурю – тогда и выброшу.

Я поманил непослушного к себе, а как только он приблизился, ударил его кулаком в солнечное сплетение. Солдат сложился пополам, и я пнул его сапогом в лицо. Он растянулся у моих ног, корчась от боли.

– Крашке, – гаркнул я. – Оттащите эту падаль в тень. Пускай там очухается и дососет свой окурок.

Наш американский хозяин, наблюдавший за этой сценой, одобрительно загоготал, а я продолжал, обращаясь уже ко всему взводу:

– На сегодня программа занятий такая: строевая подготовка – 1 час, учебные стрельбы из автомата – 5 часов, приемы рукопашного боя – 2 часа. И запомните: без дисциплины нет армии. В боевой обстановке за неповиновение буду расстреливать на месте.

Пираты перестали двигать челюстями и опустили руки по швам. Мне стало ясно, что с этой минуты они признали во мне своего командира.

Вечером Крашке получил от меня указание пустить слух, будто я однажды в Африке распорядился повесить на ветвях гигантского баобаба целый взвод, не выполнивший моего приказа. После этого меня зауважали еще больше.

Потянулись однообразные недели военной учебы. Почти каждый день после окончания занятий с солдатами я уходил в город, где ужинал в одном из кафе, посещаемых военными. Пытался завязать знакомства с американцами и с офицерами ауриканской армии. Однако из этих моих попыток ничего не выходило. Первые смотрели на меня с нескрываемым презрением, вторые со страхом. Прошло полтора месяца с момента моего появления в Аурике, а я ни на миллиметр не приблизился к цели.

Однажды ночью наш батальон в полном составе выехал на полигон, находившийся километрах в сорока от столицы. Мы должны были научиться минированию участков джунглей, подобных тем, в каких скрывались партизаны. Планировалось также попрактиковаться в стрельбе из базук. Батальон тронулся в путь затемно, чтобы прибыть на место с наступлением рассвета и, закончив учения до полудня, вернуться к обеду в казармы. Колонна грузовиков медленно выползла из сонного города на широкую прямую Панамериканскую магистраль и двинулась в направлении полигона. Тяжелые крытые машины шли, держа скорость восемьдесят километров в час и интервал пятьдесят метров друг от друга. Мощные фары с трудом прорубали узкий световой тоннель в кромешной тьме тропической ночи. Моторы ровно гудели. Солдаты дремали, покачиваясь на скамьях и зажав автоматы между колен.

Вдруг где-то в голове колонны глухо, но сильно рвануло. Так взрываются противотанковые гранаты и мины. Грузовики разом затормозили, и в то же мгновение справа, из джунглей, резанули автоматные и пулемётные очереди. Солдаты горохом посыпались из кузовов, стремясь укрыться от пуль за автомобильными скатами или за полотном шоссе. Некоторые были убиты, не успев достигнуть земли. Закричали раненые. Я отполз налево в придорожную канаву и стал соображать что к чему. Мне никак не импонировала перспектива быть убитым партизанами. Меня не для того сюда послали. Надо было предпринять что-то такое, после чего моя жизнь оказалась бы вне опасности. Хотя бы на время. Минуты через три после начала обстрела я понял, что повстанцы не будут атаковать нас. Для рукопашной у них недоставало сил. Тем

не менее плотность огня была очень велика. Я вздохнул и, перевернувшись на спину, поднял левую руку. Не прошло и десяти секунд, как одна из пуль пробила ладонь. Стиснув зубы, я принялся перевязывать рану.

Огонь прекратился так же внезапно, как и начался. Израсходовав боеприпасы, партизаны ушли. Я вылез из канавы и пошёл выяснять, что осталось от моего взвода. Потери не были сногсшибательно большими: всего двое убитых и пятеро раненых. Среди последних оказался Крашке. На этот раз традиция ему изменила. Пуля оцарапала его голову. Рана не была опасной, но сильно кровоточила. Герхард стонал и грязно ругался, проклиная президента Мендосу, дядю Рудольфа и партизан. Я велел ему заткнуться и помог перевязать голову.

– Чего хотят эти ублюдки? – продолжал ныть Крашке.

– Свободы, – отвечал я.

– Ах, свободы! Я такое уже видел в Сахаре. Взберётся араб или негр на пальму, провозгласит свободу и независимость, а на другой день – с протянутой лапой к бывшему хозяину. Жрать-то хочется. Свободой же сыт не будешь. Свобода – это большой беспорядок. Чтоб была жратва, надо вкалывать до седьмого пота, а они только и умеют, что стрелять да размножаться.

К нам подошел офицер из штаба батальона и сообщил, что командир нашей роты убит, а посему мне надлежит принять командование ротой.

– Мерзавцы! – сказал он. – Они совершенно обнаглели. Так близко от столицы их ещё никогда не видели.

Я согласился с ним и спросил, продолжим ли мы наш путь к полигону.

– Нет, – ответил офицер. – Учения отменяются. Мы возвращаемся в Ла Палому.

Я кивнул и распорядился грузить на машины убитых и раненых.

После возвращения в Ла Палому я препоручил роту своему заместителю и, прихватив с собой Крашке, отправился в военный госпиталь. Врач признал наши ранения легкими, но все-таки уложил нас в постели, заявив, что мы сможем вернуться в строй только недели через две-три. Такая щедрость объяснялась относительным затишьем на фронтах гражданской войны и соответственно большим количеством свободных коек в госпитале. Мы там хорошо отоспались и отъелись. Перед самой выпиской произошёл эпизод, который имел некоторое значение для моей дальнейшей судьбы.

Сидя перед обедом на лавке в госпитальном парке, мы судачили о том о сём. Крашке сказал между прочим, что было бы неплохо полакомиться молоком кокосового ореха. Пистолетными выстрелами я сшиб с ближайшей пальмы пару плодов величиной с детскую голову каждый – Герхарду и себе. Крашке поднялся с лавки, чтобы подобрать орехи, но вдруг вытянулся «во фрунт» и застыл, выпучив глаза. Я посмотрел в ту сторону, куда смотрел он, и последовал его примеру. Через парк в направлении госпиталя двигалась пестрая группа военных. Впереди шел приземистый, почти квадратный генерал с багровой квадратной физиономией, тремя подбородками и четырьмя четырехконечными звездами на каждом из толстых витых погонов. Я сразу узнал его по портретам. Это был Пабло Рохес – военный министр и министр общественной безопасности Аурики, самый молодой и самый перспективный из членов Государственного совета. Ему было всего шестьдесят пять лет, и его прочили в преемники Мендосы. Лицо Рохеса, несмотря на всё своё хамское безобразие, ещё не было тронуто возрастным маразмом. Министр выглядел вполне здоровым и бодрым.

– Отлично стреляете, лейтенант! – сказал он по-английски, остановившись перед нами. – Кто вы?

– Лейтенант Арнольдо, командир роты шестого батальона, – представился я. – Ранен в бою с врагами республики. Нахожусь на излечении.

– Рядовой Хорхе! – рявкнул Герхард. – Ранен в том же бою!

О принадлежности к Иностранному легиону мы не упомянули, так как об этом говорила наша форма.

– Судя по акценту, вы немцы, – заметил Рохес.

– Вы совершенно правы, сэр, – ответил я.

Генерал ухмыльнулся и вдруг сказал по-немецки:

– Offizier, Offizier, goldene Tressen, nichts zu fressen!

(Офицер, офицер, золотые позументы, а жрать нечего!).

Мы с Крашке угодливо засмеялись, а я подивился про себя эрудиции министра, процитировавшего забытую пьесу Лессинга.

– Немцы – хорошие солдаты, – продолжал генерал. – А почему ваше звание, лейтенант, не соответствует занимаемой должности?

– До последнего боя я командовал взводом. Роту принял после того, как был убит её командир.

– Полагаю, что этот офицер заслуживает поощрения. Вы согласны?

Вопрос был обращён к командиру Иностранного легиона полковнику Лоуренсу, который стоял за спиной Рохеса. Лоуренс видел меня впервые, а обстоятельства нападения партизан на наш батальон были известны ему лишь в самых общих чертах, однако признаваться во всём этом он не стал и, помедлив немного, важно наклонил голову. Через минуту на моей груди засиял новенький орден, выполненный в форме лучистой восьмиконечной звезды величиною с мотоциклетную фару. Герхард получил медаль «За храбрость» и звание сержанта. Прикрепляя орден к моему мундиру, адъютант министра заговорщически подмигнул мне и сказал вполголоса:

– С вас причитается, лейтенант. Можете покупать капитанские погоны. Приказ будет подписан после обеда.

– Сочту за честь отметить с вами это радостное событие. Когда и где?

К сожалению, договориться о встрече мы не успели. Военные репортёры из свиты Рохеса оттёрли адъютанта в сторону. Генерал по очереди пожал руки мне и Крашке. Защёлкали затворы фотоаппаратов. А через несколько секунд мы остались одни.

На другой день, рассматривая вместе с Герхардом наши фотографии в газетах, я заметил, как бы между прочим, что теперь ему было бы не стыдно явиться к дяде. Крашке отнесся к этой идее очень серьезно.

– А что? – сказал он. – Der Affenarsch больше не посмеет называть меня Швейком. Тем более, если я пойду туда в сопровождении моего друга и командира, который не однажды был очевидцем ревностного отношения унтер-офицера Крашке к исполнению воинского долга.

– Как ты думаешь, Герхард, – осведомился я, – найдётся у твоего дяди для нас пара бутылок немецкого пива?

– Какие бутылки! – завопил Крашке. – Дядя Рудольф предпочитает бочковое. И только баварское. Да он утопит нас с тобой в пиве, если захочет. Кстати, я полагаю, что ты должен ему понравиться, ибо в тебе явно наличествует совокупность признаков, соответствующих его представлениям о чистоте нордической расы. Ему самому как раз этих признаков не хватает. Мне тоже.

– Ладно! – согласился я. – Поехали!

Мы взяли такси и через полчаса очутились в одном из благоустроенных пригородов столицы, удивительно похожем на какой-нибудь Бланкенбург или Хальберштадт. Те же утопающие в цветах и зелени особняки, крытые черепицей, те же аккуратные лёгкие заборчики, та же безукоризненная чистота улиц. Только тропическая растительность напоминала о том, что здесь всё-таки не Германия.

– Кусочек фатерланда! – сказал Герхард таким тоном, как будто он имел какое-либо отношение ко всему этому.

Слова его подкрепил действием один из игравших поблизости мальчишек, который направил на нас игрушечный пистолет и, щёлкнув им, пискнул по-немецки:

– Ein Schuß – ein Russ'! (Один выстрел – один русский!).

– Schieb ab! (Проваливай!) – рявкнул на него Крашке, сделав вид, что расстёгивает кобуру.

Малец взвизгнул и юркнул в банановые лопухи.

Белая двухэтажная вилла дяди Рудольфа пряталась в глубине обширного зелёного массива. С улицы её почти не было видно. Крашке позвонил у ворот. Пришёл пожилой немец и, узнав моего спутника, бесстрастно поздоровался с нами, после чего впустил нас в парк.

– Думаю, они по случаю субботы все дома, – рассуждал вслух Герхард. – Если бы их не было, садовник сказал бы нам об этом…

Рудольф фон Буххольц был младшим братом отца Герхарда Крашке и до сорок пятого года тоже носил фамилию Крашке. В роду потомственных пивоваров он слыл самым способным, и потому семья дала ему возможность получить университетское образование. Приобретённые в Гейдельберге познания в области юриспруденции были впоследствии использованы им в качестве инструмента для попрания всех законов, писаных и неписаных.

Нацизм Рудольф Крашке принял сразу, безоговорочно и навсегда. Его восхитила эта философия сильных, умных, предприимчивых молодых мерзавцев, как нельзя более полно и доходчиво выражающая вековые чаяния собственников всей Галактики. «Я освобождаю вас от химеры, именуемой совестью», – говорил фюрер. Это было великолепно. Это было то, что надо.

Конец войны застал Рудольфа Крашке на посту советника по делам Польского генерал-губернаторства. К этому времени на его счету были уже десятки тысяч загубленных душ и сотни тысяч марок, обращенных в доллары.

После Zusammenbruch'a (разгрома) Рудольф Крашке всплыл в Аурике под фамилией фон Буххольца и быстро пустил корни, женившись на дочери местного кофейного фабриканта. Оставшаяся в Германии семья не стала его разыскивать, поскольку он за месяц до бегства предусмотрительно заткнул своей немецкой супруге пасть крупной суммой, помещённой в один из швейцарских банков. Зато польское правительство нашло его довольно быстро. Начиная с пятьдесят первого года, оно многократно требовало выдачи Рудольфа Крашке как военного преступника. Однако ауриканские власти с завидным постоянством отвечали, что немец по фамилии Крашке, alias (он же Буххольц), на территории Аурики не проживает. Это не мешало Рудольфу фон Буххольцу произносить спичи на официальных приёмах и раздавать свои визитные карточки людям делового мира. Тем не менее к незнакомым лицам он относился настороженно. Судьба Эйхмана не позволяла ему наслаждаться достигнутым в полной мере, и естественным было то, что к моему появлению во дворе его виллы он отнёсся без энтузиазма.

Беседа у меня с ним не клеилась. Поливая цветы, он постоянно косился на оружие, висевшее у моего пояса, но, даже когда я отстегнул пистолет и положил его на скамейку, обстановка не разрядилась. Тогда я отошёл к фонтану и сделал вид, что любуюсь плававшими там декоративными китайскими карасиками. Тем самым Герхарду была предоставлена возможность поведать дядюшке, что я свой в доску и бояться меня нечего. Разглядывая рыбок, я искоса посматривал на Буххольца и прикидывал в уме, с какой стороны лучше подойти к нему. Красное лишённое растительности лицо этого высокого сухощавого шестидесятидвухлетнего старика действительно чем-то напоминало обезьяний зад, и поэтому немецкое ругательство, приклеенное Герхардом к дяде Рудольфу, показалось мне в данном случае очень удачной находкой.

Я не слышал, о чём дискутировали родственники, но вскоре Буххольц кликнул слугу, и тот принёс три запотевших бокала, украшенных гербами баварских городов и наполненных превосходным пивом. Мы укрылись от солнца в зелёной беседке и, потягивая янтарный напиток, повели неспешный беспредметный разговор, какой обычно ведут за пивом мало знакомые или мало интересные друг другу люди.

Только после того как слуга поставил перед каждым из нас по третьему бокалу, Буххольц начал прощупывать меня.

– Где вы учились, господин капитан? – спросил он.

– В Гёттингене.

– Выходит, что вы однокашник Гейне?

Я подыграл ему:

– Да. Но мы не поддерживали близких отношений. Во-первых, он юрист, а я филолог. Во-вторых, в числе моих друзей никогда не было евреев.

– Почему вы воюете против красных?

– Чтобы вам это стало понятным, я расскажу сначала одну побасенку. Лет сто двадцать тому назад пришёл однажды к главе парижского дома Ротшильдов один социалист и предложил банкиру из гуманных соображений поделить его состояние поровну между всеми нищими Франции. «Хорошо, – усмехнулся миллионер, – только давай сперва прикинем, сколько достанется каждому». Сосчитали. Получилось два с половиной франка. Тогда Ротшильд швырнул социалисту несколько монеток, сказав при этом: «Так забирай свою долю и убирайся, мошенник».

Буххольц захихикал. Крашке заржал. Было видно, что анекдот им здорово понравился. Вдохновлённый расположением моей маленькой аудитории, я продолжал:

– Коммунисты уподобляются герою этого предания. Они полагают, что если отобрать у состоятельных людей их имущество и поделить его между нищими Земли, то бедных не будет и наступит всеобщее благоденствие. Однако историческая практика показывает, что это пагубное заблуждение. Слишком много нищих на свете и слишком мало богатых. Кроме того, факты свидетельствуют о следующем: в тех странах, где коммунисты одержали верх, очень скоро снова произошло расслоение на богатых и бедных, что представляется мне закономерностью, ибо люди по природе своей жадны, завистливы и подлы. Идеи равенства и братства в применении к человеческому обществу так же противоестественны, как деловое сотрудничество кота с мышью или любовь Волка к Красной Шапочке. Тем не менее эти идеи будоражат умы рабов и грозят ввергнуть Землю в грандиозную смуту. От последней люди в конечном итоге ничего не выиграют. Следовательно, революции – это кровь и страдания без пользы, без надобности, а коммунизм как идеология – это либо утопия, либо фарисейство. Мир, в котором мы живём, при всём его несовершенстве, устраивает меня больше, чем та перспектива, которую сулят нам коммунисты, потому что тот мир, в котором мы живём, – есть естественное состояние человечества. Вот почему я воюю против красных, господин фон Буххольц. Удовлетворило ли вас моё объяснение?

Обезьяний Зад медлил с ответом. Очевидно, он старался осмыслить сказанное мною и отделить то, с чем он согласен, от того, с чем он не согласен. Крашке молча потягивал пиво. Ему не было дела до всего этого.

– Господин капитан, – заговорил наконец Буххольц, – ваша концепция в общем верна, однако ей не достаёт завершённости. Я придерживаюсь той точки зрения, что нельзя принимать мир таким, каким мы видим его в данный момент. Состояние хаоса не может считаться естественным. Я убеждён в том, что в мире давно пора навести порядок. Человеческое общество должно быть если не гармоничным, то упорядоченным.

– Не вижу сил, способных упорядочить мир, – возразил я.

Буххольц загадочно улыбнулся.

– Ну-ну, господин капитан, – сказал он, – об этом мы еще потолкуем при случае. А сейчас пойдём в дом – перекусим, чем бог послал.

Я нарочно не довёл до логического конца свои рассуждения о коммунизме, точнее, я не довёл их до стадии, угодной Буххольцу. Мне нужно было, чтобы он раскрылся, проявил себя. Большинство пожилых мужчин имеют гипертрофированные представления об их месте, роли

и степени полезности в общей системе мироздания. Они склонны к безудержному нравоучительству и влюбляются в тех молодых людей, которые делают вид, что прислушиваются к их сентенциям. На всё на это делал я ставку, когда шёл к Буххольцу. Однако старик не спешил открывать карты. После обеда, протекавшего под руководством супруги хозяина, последний предложил мне погулять по парку. Герхарду было велено сидеть в беседке и пить пива столько, сколько душе угодно. Показывая мне диковинные растения и давая при этом пространные и весьма квалифицированные пояснения, Буххольц вдруг спросил в упор:

– За что вы ненавидите евреев?

– Ненавижу?! – изумился я. – Да господь с вами! Чувство ненависти вообще чуждо мне, ибо ненависть ослепляет и толкает на необдуманные поступки. Я же привык действовать, повинуясь только доводам трезвого рассудка, и потому евреев всего лишь недолюбливаю.

– За что же всё-таки? – допытывался Обезьяний Зад.

– За то, что они обвели фюрера вокруг пальца.

Буххольц удивлённо вскинул на меня глаза.

– Будьте добры аргументировать вашу мысль.

– Хорошо, – сказал я. – Надеюсь, вам известно, что шестьдесят богатейших семейств мира – это еврейские семьи?

Старик кивнул.

– Очевидно, вы не станете оспаривать того факта, – продолжал я, – что национал-социалисты пришли к власти благодаря энергичной поддержке богатейших семейств Германии, которые принадлежали и принадлежат к числу богатейших семейств мира и связаны с ними теснейшими финансовыми и родственными узами?

Мой собеседник нехотя согласился.

– Так вот: помогая фюреру, богатые евреи преследовали три цели. Первая – развязать войну и нажить новые миллиарды. Вторая – уничтожить коммунизм. Третья – истребить бедных евреев, тех самых из среды которых вышел Маркс. Так сказать, почистить нацию, избавиться от мусора.

– Да-да, – пробормотал Буххольц, – богатые евреи могли откупиться, уехать из райха. Или, как Имре Кальман, стать почетными арийцами. Или купить себе чистую родословную.

– Однако фюрер оказался джином, выпущенным из бутылки. Он повёл Германию от победы к победе, он повёл её к господству над миром. Он стал угрожать самим Соединённым Штатам – этой цитадели еврейства. В конце концов богатые евреи решили покончить с фюрером тем более, что многое из задуманного ими уже было выполнено руками немецких солдат. Они сумели сколотить антигерманскую коалицию из государств, которые ещё за год до этого слыли заклятыми врагами. И тогда, не выдержав напора превосходящих сил, рейх рухнул под торжествующий хохот еврейских банкиров. Я рассказал вам то, что давно известно всем. Правда, исторический материал подан мною с определённым подсветом.

Последняя фраза была сказана для страховки на тот случай, если бы Буххольц заметил, что я кое-где передёрнул факты. Но Обезьяний Зад, как и большинство немцев, включая самых образованных, плохо знал историю, ибо эта наука, по мнению многих, не может приносить осязаемой практической выгоды. Старик едва позволил мне договорить. Я почувствовал, что ему не терпится что-то сказать, и умолк. Он стал выплевывать слова и предложения толчками, не пытаясь скрыть дикой злобы. Он почти кричал:

– А мне без разницы, богатый еврей или бедный! Еврей есть всегда еврей! У меня на этот счёт своя теория! Две тысячи лет тому назад они были, как все люди. Они имели грешников и святых. Они даже смогли породить Иисуса. Но потом… Двадцать веков непрерывных гонений и преследований! Двадцать веков травли! В борьбе за существование у животных выживают сильнейшие, у людей – подлейшие. Двадцать столетий у евреев выживали наиподлейшие, и, в конце концов, сформировалась эта современная нация злобных и коварных прохиндеев,

потому что от подлеца рождается только подлец. Если мы будем относиться к ним с прохладцей, они погубят нас всех! Их теоретик сказал: «В этом мире имеет значение лишь то, что говорят, думают и делают евреи. Всё остальное не имеет ни малейшего значения». Чувствуете, куда гнут эти свиньи, господин капитан?

То, что сболтнул некогда отец сионизма, было нормальным фашизмом и на все сто процентов соответствовало духу изречений Гитлера о божественном предопределении немецкой нации, однако Буххольц не хотел вспоминать об этом.

– Мой племянник рассказал мне, – продолжал он, – будто вашего отца убили коммунисты. Это правда?

– Моего отца убили русские.

– Да, но комиссарами у них служили евреи! Вы же сами только что изволили говорить, что американские и большевистские евреи объединились с целью удушения рейха. Как же можете вы, немец, сын национал-социалиста, относиться к ним всего лишь с неприязнью?

Я улыбнулся, радуясь тому, что начинаю находить общий язык с Обезьяним Задом, и сказал вкрадчиво:

– Вы задели меня за живое, господин фон Буххольц, но тем не менее я продолжаю считать ненависть плохим советчиком в серьёзных делах и полагаю, что сотрясать воздух призывами к уничтожению евреев и коммунистов бесполезно и даже вредно. Поступая так, мы лишь даём пищу красной пропаганде. Кроме того, шумная демагогия вообще противна моей натуре. Я человек конкретного действия.

Обезьяний Зад овладел собой и перестал поносить евреев. Внимательно посмотрев на меня, он произнес с расстановочкой:

– Ну что ж. Это хорошо. Нам нужны люди конкретного действия.

– Что означает «нам»?

Старик не счёл нужным отвечать на мой вопрос. Он пустился в пространные рассуждения по поводу красоты и своенравия араукарии чилийской, на которую даже птицы не садятся, такая она колючая.

Когда наша прогулка по парку близилась к концу, Буххольц обронил как бы ни с того ни с сего:

– Приходите к нам в следующее воскресенье. Я познакомлю вас с моим сыном. Сегодня его, к сожалению, нет дома. Мне кажется, вы с ним подружитесь.

От Герхарда я знал, что ауриканская жена беглого нациста родила ему двух детей: сына Рудольфа и дочь Еву. Последнюю Буххольц недавно выдал замуж за внука одного из членов Государственного совета, еще более укрепив тем самым своё положение в местной элите. Рудольфа отец направил на учёбу в Высшую техническую школу Аахена, откуда он вернулся с дипломом физика незадолго до моего прибытия в Аурику. Рудольф Буххольц-младший не торопился покидать родительский дом. Он жил там, не высказывая намерений жениться, окунуться в науку или стать компаньоном отца.

– Странный парень, – сказал о нём как-то Герхард. – Бледный худой очкарик. То он валяется с утра до вечера на диване в своей комнате, то пропадает невесть где целыми неделями. Большо-о-й сноб. Со мной вообще не хочет знаться. А ведь я ему двоюродный брат!

Герхарда Крашке мы нашли в беседке сильно поддатого. Ещё полчаса – и пиво полилось бы у него из ушей. Обезьяний Зад поворчал на племянника и любезно предоставил в наше распоряжение свою парадную машину с шофёром. Прощаясь, повторил приглашение навестить его в следующее воскресенье. Я поблагодарил Буххольца, по-немецки отдал ему честь и занял место на заднем сиденье. Герхард развалился рядом с водителем и, едва машина выехала из ворот виллы, загорланил:

– In Hannover, in Hannover an der Leine

Haben die Frauen dicke Beine,
Haben die Frauen dicke Beine
Und die Arsche apfelrund!

(В Ганновере, в Ганновере на Ляйне у баб толстые ноги и зады круглые, как яблоки).

– Halt die Fresse! (Заткнись!) – приказал я ему. – Не позорь дядюшку. И не лишай нас удовольствия лакомиться по праздникам добрым баварским пивом и венскими сосисками.

Герхард заткнулся и захрапел.

Прошло три месяца, прежде чем я стал своим человеком в немецкой колонии Ла Паломы. В доме Рудольфа фон Буххольца мы с Герхардом встретили под ядовито-зеленой искусственной елкой Рождество и Silvester (Новый год). Наступил семьдесят третий год. Идя навстречу пожеланиям Обезьяньего Зада, я подружился с его сыном и сразу же получил возможность убедиться в том, что старый Буххольц капитально потрудился над воспитанием наследника, который при поддержке родителя превратил свою комнату в небольшой музей истории фашизма. Чего там только не было! Одну из стен занимала карта Европы периода расцвета рейха. Германия на ней походила на большого круглого упившегося кровью клопа – с Эльзасом и Лотарингией, с приклеившейся снизу тощенькой Австрией, с протекторатом и генерал-губернаторством, с Данцигом и Восточной Пруссией, с Померанией, Силезией и Судетами. Красные флажки с чёрной свастикой в белом круге были понатыканы повсюду – от Познани до Афин, от Парижа до Ленинграда, Москвы, Сталинграда и Эльбруса. На других стенах красовались штандарты каких-то эсэсовских частей, кресты разных достоинств, эмблемы, оружие огнестрельное и холодное. Книги на полках были также подобраны соответствующим образом. Посреди письменного стола темнел бронзовый бюст Гитлера. Однажды, оставшись в этой комнате один, я щелкнул фюрера по плебейскому носу. Внутри бюста загудело: он оказался полым. Перевернув металлическую голову, я обнаружил в ней ксерокопированную рукопись книги «Mein Kampf».

Тут я провёл много часов вдвоём с Рудольфом Буххольцем-младшим, пытаясь разобраться в том, что творится в отнюдь не глупой башке этого парня. Само собой, во время учёбы в Аахене он сблизился с неофашистами, однако сумятица идей и верований современной Европы, если не поколебала его убеждений, то несколько модернизировала их, а главное внушила ему ту мысль, что к наследию прошлого надо относиться критически. С ним можно было полемизировать, он поддавался влиянию.

Несмотря на солидную разницу в возрасте, мы быстро перешли на «ты». Играли в кегли, в пинг-понг, в шахматы. Дискутировали о будущем Германии и прочего мира. Иногда выпивали. Как-то Рудольф, краснея и смущаясь, попросил просветить его в части отечественной литературы.

– Уж не влюбился ли ты? – поинтересовался я. – И твоя девушка начитана более тебя?

– Дело не в этом, – ответил он серьезно. – Я немец и хочу знать о своей стране всё, тем более, что в поэзии, как ни в чём другом, проявляется дух народа.

– Есть ещё музыка, – последовало возражение с моей стороны.

– Только не современная, – сказал Рудольф. – Она теперь повсеместно превратилась в какофонию хронического сексуального голодания. А старую музыку можно при желании послушать в церковных концертах. Здесь ты мне не нужен.

Я прочёл ему десяток популярных лекций по литературе Германии, стараясь подавать материал в националистическом духе. Он слушал с большим вниманием, откинувшись в кресле и полузакрыв глаза. Иногда повторял особенно поразившие его своим смыслом или напевностью строки. Так было с балладой Уланда «Проклятье певца». Рудольф снова и снова просил меня прочесть это стихотворение, пока не запомнил его наизусть. Впоследствии он мог в самых неподходящих ситуациях вроде бы ни с того ни с сего продекламировать:

Sie sangen von Lenz und Liebe,
Von selger holdner Zeit,
Von Freiheit, Männerswürde,
Von Treu und Heiligkeit.

(Они пели о весне и о любви, о добром старом времени, о свободе, мужской чести, о верности и святости).

Слушая один из монологов Фауста, Рудольф воскликнул:

– Вот вершина мирового духа! И достичь этой вершины было под стать только германскому гению!

– Значит, ты против сожжения книг? – спросил я.

– Считаю это величайшим варварством, – ответил он.

– Правильно, – согласился с ним я. – Мы должны стать самой просвещённой нацией мира. И не перед силой немецкого оружия, а перед силой германского духа должен склониться мир. Так сказал фон Тадден.

– Мне приходилось слышать Таддена на митингах в период учёбы в Аахене, однако он никогда не говорил ничего подобного, – робко возразил Рудольф.

– Ну… Тебе не говорил, а мне говорил, – отбрил я.

– Ты знаком с ним лично?!

Я многозначительно промолчал.

После этой беседы Буххольц-младший зауважал меня ещё больше. Как-то он сам признался, что испытывает постоянную потребность в общении со мной. Видимо, так оно и было. Во всяком случае, он даже в казарме не давал мне покоя, навещая меня чуть ли не каждый день и позволяя Герхарду вымогать у него пиво и дорогие сигареты.

Между тем моя рота, состоявшая из полутора сотен бандитов, доставляла мне немало хлопот. Сложно было не формально, а на деле утвердиться в должности командира. Уже в первый день после нашего с Крашке возвращения из госпиталя случился инцидент, который едва не стоил мне жизни. Один их сержантов, по национальности канадский француз, притопал на учебные стрельбы сильно перегруженный спиртным, и я приказал арестовать его.

– Что?! Меня арестовать?! Грязный бош! – заорал пьяный, выхватывая пистолет.

Я опередил его на долю секунды. Сержанта закопали у края полигона, и стрельбы благополучно начались.

Через месяц ко мне привели солдата, убившего и ограбившего одинокого старика, который жил неподалеку от расположения нашего батальона. Солдат оказался немцем.

– Объясни, почему ты это сделал, – попросил я его. – Разве тебе здесь мало платят?

– Ещё никто в этом мире не разбогател от жалованья, – отвечал он, – а я хочу быть богатым. Богатство же создаётся одним способом: сильный отнимает у слабого его имущество. Старик поднял визг, и я его кокнул.

– Ты несёшь околесицу, – возразил я. – Существуют сотни других способов разбогатеть: воровство, мошенничество, спекуляция, сутенёрство, вымогательство взяток, политическая деятельность, писание статей и книг по заказам власть имущих, изобретение новых космогонических теорий, религий и идеологий, предательство, наконец. Для того чтобы стать богатым, вовсе не обязательно убивать тело, достаточно научиться умерщвлять душу.

– Вы говорите чересчур умно, господин капитан. Это не для меня.

– Значит, ты сильная, но безмозглая личность.

– Уж чего-чего, а силы у меня хватает. Я могу один опрокинуть автомобиль. Показать?

– Не надо. Вот что: тысячи людей ежедневно совершают куда более кошмарные преступления, чем ты, и остаются безнаказанными. Более того, эти люди процветают. Но тем не

менее дисциплина в моей роте должна быть железной, поэтому я велю расстрелять тебя. Ты уж извини, братец.

Когда сильную личность тащили к стенке, она визжала, как резаная свинья.

Еще через два месяца произошёл эпизод, который в значительной степени способствовал тому, чтобы мой командирский авторитет сделался непререкаемым.

Понять описываемый факт и не усомниться в его достоверности можно лишь, зная то обстоятельство, что Аурика с незапамятных времён находилась на военном положении, которое было не чем иным, как узаконенным беззаконием. Любой воинский начальник, даже самый маленький, осуществлял в этой стране верховную власть, а также творил суд и расправу на всей территории, занимаемой в данную минуту его подразделением.

В середине января наш батальон отбыл на тактические учения в район небольшого городка, расположенного километрах в двадцати от Ла Паломы. Моя рота была расквартирована в центральной части этого населенного пункта. Крашке на время реквизировал для меня и себя один этаж просторного дома, принадлежавшего крупному скототорговцу. Дом был обставлен старинной мебелью. На стенах висели потускневшие картины и даже одно настоящее венецианское зеркало, перед которым я имел обыкновение бриться по утрам.

Однажды, вскоре после начала учений, ко мне явился командир второго взвода моей роты с сержантом – командиром отделения. Я в это время брился, стоя у зеркала. Герхард и Рудольф болтали за столом в ожидании завтрака, который должен был подать нам хозяйский слуга. Накануне мы отмечали производство Герхарда в старшие сержанты и засиделись допоздна. Рудольф остался ночевать у нас.

Офицер остановился за моей спиной, отдал честь и доложил, что один из его солдат минувшей ночью изнасиловал десятилетнюю девчонку.

– Повесить сукина сына! – распорядился я. – И как можно скорее! Мы не имеем права восстанавливать против нас гражданское население. Идите и исполняйте!

– Но, сэр… – медлил офицер.

– Что ещё? – спросил я недовольно.

– Этот солдат здешний. Его отец уважаемый человек – владелец бакалейной лавки, мельницы, игорного дома и ночного бара.

– Как?! Ведь в Легионе служат только иностранцы!

– Формально он иностранец. У него кубинский паспорт. До шестьдесят восьмого года он жил у матери на Кубе.

– Ну что ж. Тогда повесьте и отца вместе с ним, ибо негодяй рождается только от негодяя. Ступайте!

Офицер не двигался. Я выстрелил в него через плечо, глядя на его отражение в зеркале. Он грохнулся на пол за моей спиной.

– Ты понял, за что я убил его?

Мой вопрос относился к остолбеневшему от неожиданности командиру отделения. Сержант молчал.

– Я убил его за то, что он посмел усомниться в правильности моего приказа. Теперь этот приказ исполнишь ты.

– Слушаюсь, сэр, – пролепетал сержант и мгновенно исчез.

Рудольфа, никогда не видевшего, как убивают людей, мой поступок поразил. Он рассеянно простился с нами, вскочил в свой спортивный ракетовидный «бьюик» с открытым верхом и умчался в Ла Палому. Мне этот человек был нужен, и я с сожалением подумал о том, что, очевидно, переборщил и отпугнул его. Однако на другой день Рудольф как ни в чем не бывало снова явился к нам. Через некоторое время он признался, что долго размышлял над тем, правильно я сделал или нет, ухлопав лейтенанта, и пришел к выводам, оправдывавшим

мое поведение. Буххольц-старший, узнавший от сына о том, как я командирствую, заявил, что с этой сволочью нельзя иначе и что капитан Фогт по своей натуре есть истинный немец.

Между тем слухи о моей невероятной жестокости, граничащей с самодурством, многократно преувеличенные, расползлись по батальону. Солдаты и офицеры старались не попадаться мне на глаза, когда я прохаживался по расположению роты. Любая высказанная мною прихоть исполнялась молниеносно с величайшим рвением.

– До чего они боятся тебя! – сказал как-то Рудольф с оттенком зависти.

– Эти животные пустят мне пулю в спину в первом же бою! – раздраженно ответил я.

– А ты не подставляй им спины, – посоветовал Герхард. – Ходи в атаку позади всех.

– Нечего зубоскалить! – осадил я его. – Тебе как командирскому холую в боевой обстановке тоже достанется.

Вообще-то мне пока везло. Затишье на фронтах затянулось. Обе стороны накапливали силы для решающих боев, и, потирая простреленную руку, которая иногда назойливо ныла, я думал, что можно было бы тогда, в октябре прошлого года, не подставлять её под партизанскую пулю. Однако время жестоких сражений неумолимо приближалось с каждым днём. Мне пора было выходить из игры, и я решил: брать быка за рога. Однажды в ответ на высказанное Рудольфом сожаление по поводу нашей скорой разлуки, в связи с предстоящей отправкой Легиона в горы Сьерра-Гранаде, где были сконцентрированы основные базы революционной армии, я заметил, что и мне неохота лишаться такого приятного партнера по совместному времяпровождению, каким является он. Рудольф обиделся, заявив, что считал меня не просто партнёром по разгону скуки, но другом и даже в некоторой степени единомышленником.

– Знаешь, Руди, – сказал я в ответ на это, – профессиональному солдату не к лицу сантименты, но признаюсь честно: мне будет здорово недоставать тебя. В этом мире не так уж много умных людей, и если им случается найти друг друга, то они должны держаться вместе. Это одна сторона вопроса. Есть и другая. Война меня не страшит, ибо она моя работа, но мне не хотелось бы быть застреленным собственными солдатами. Поэтому я намерен просить тебя о следующем: будь добр, попытайся, используя связи твоего отца, устроить мой перевод в какую-либо другую часть, скажем, в президентскую гвардию.

Рудольф широко улыбнулся.

– Я сам хотел предложить тебе нечто подобное, Арнольд. Но не решался. Только не понимаю, при чем тут мой отец. Я все устрою через сестру. Дедушка её мужа – приятель Рохеса, да и сам не последний человек в Государственном совете.

– Нет-нет, – запротестовал я. – Лучше пусть это сделает отец. Так будет солиднее.

– Ну, хорошо, отец так отец, – согласился Рудольф. – Кстати, тебе известно, что мать Рохеса была немкой?

– Ах, вот оно что! Теперь мне понятно, почему он знает наш язык.

– Да. Рохес вообще симпатизирует немцам и оказывает им всяческое покровительство. Думаю, твоё дело выгорит. Конечно, у отца наведут справки о тебе. Но здесь все будет в полном порядке.

Я наклонил голову в знак благодарности.

Рудольф исполнил мою просьбу добросовестно и быстро, но события разворачивались ещё быстрее. Вскоре после воспроизведенной выше беседы мою роту подняли по тревоге и швырнули на спасение транспорта с оружием, который средь бела дня подвергся нападению партизан всего в пяти километрах от Панамериканской магистрали.

Когда мы прибыли на место происшествия, повстанцы уже сделали своё дело. Они перебили охрану, взорвали грузовики и намеревались утащить в джунгли трофеи, большую часть которых составляли ящики с лёгким стрелковым оружием, гранатами и патронами. Партизан было мало – человек сорок, не более. Завидев нас, они выставили на пригорке у дороги заслон из двух пулеметов и начали поспешно отходить к лесу, унося с собой раненых и добычу. Мне

стало ясно, что позиция для заслона выбрана неудачно: между пригорком и лесом тянулась глубокая лощина, недосягаемая для пулемётного огня, и если бы я повёл по ней роту, то партизаны были бы отрезаны от джунглей и уничтожены в течение двадцати – тридцати минут. Спасти героический отряд повстанцев от неминуемой гибели могли только крайне нелепые действия подчинённых мне легионеров. Поразмыслив несколько секунд и оценив свои шансы выйти сухим из воды, я собрал командиров взводов и велел им атаковать высотку с пулеметами в лоб. Меня поразила та безропотность, с какой они бросились исполнять этот идиотский приказ. Под смертоносным огнём солдаты то и дело бросались на землю, но офицеры всякий раз поднимали их и гнали вперёд. Сидя с Крашке в моем джипе и потягивая пепси-колу, я с безопасного расстояния наблюдал за тем, как пулемётные очереди выкашивают ряды наступающих. Немногим из легионеров удалось достичь цели. Пулемётчики успели скрыться, однако их оружие досталось нам, что дало мне основание рапортовать командованию о победе над врагом. Дождавшись конца боя, я воткнул в рыхлый песок на макушке холмика, где оборонялся партизанский заслон, древко сине-желто-зеленого знамени Аурики и, собрав остатки роты, произнес пошлейшую речь, в которой имя президента Мендосы было каждым седьмым словом. Впоследствии придворный художник изобразил меня бегущим впереди атакующих цепей с ауриканским знаменем в руках.

В любой демократической стране я был бы расстрелян за содеянное под ближайшим забором, но Аурика начала семидесятых годов являла собой тоталитарное государство, а при диктаторских режимах преступления зачастую оцениваются как подвиги, подвиги же – как преступления, поэтому меня не расстреляли, а отдали на прославление прессе и наградили ещё одним орденом. На церемонии награждения генерал Рохес сказал, ухмыльнувшись:

– Жаль, что вы иностранец, капитан, а то мы сделали бы из вас национального героя.

Потом он добавил по-немецки тоном, не допускающим возражений:

– Через две недели я́витесь ко мне с усами! Полагаю, что две недели достаточный срок для отращивания усов. Так?

– Zu Befehl, Exzelenz! (Слушаюсь, ваше превосходительство!) – бодро ответил я, не понимая, к чему он клонит.

* * *

На сей раз мне удалось не упустить генеральского адъютанта и договориться о встрече с ним в «Тропикане» – самом шикарном отеле Ла Паломы.

Тридцатиэтажная «Тропикана» торчит, подобно острой стеклянной занозе, на склоне горы Катпульчи неподалёку от каменного креста с распятым Иисусом. Она имеет форму цилиндра. Из любого её номера – прекрасный вид: город и океан. На круглой крыше отеля находится весьма популярный в столице ресторан. Внизу, в зелёных беседках тропического парка, тоже установлены столики. Золотая молодежь Ла Паломы предпочитает высотное веселье, солидная публика – парк. Здесь хорошо отдыхается под плеск и журчание бесчисленных фонтанов и искусственных водопадов, под тихое сладострастное нытье репродукторов, не видимых в листве деревьев, которые служат основаниями для подмостков, где в перекрещенных лучах прожекторов беззвучно извиваются смуглые, практически нагие, танцовщицы.

Наш с адъютантом ужин, постепенно переросший в попойку, начался на крыше, а завершился в одной из беседок парка. Адъютант раскрыл, между прочим, смысл указания Рохеса насчёт усов. Оно означало, что моя служба в Легионе подходит к концу, ибо усы были непременной принадлежностью офицеров президентской гвардии.

Мы пили за Мендосу, за Рохеса, за североамериканских союзников, за свободу и независимость Аурики, за мой орден, за наше дальнейшее продвижение по службе и ещё за многое другое. После десятой рюмки, уже внизу, в парке, я затеял с ним дискуссию по вопросу

о занятости населения страны, всегдашним бичом которой была массовая безработица. При этом мною была высказана мысль, что строительство новых военных баз и опорных пунктов США, по-видимому, способствовало уменьшению числа безработных. Адъютант сначала присоединился к моему мнению, но через минуту, помотав головой и, сбросив пьяную одурь, стал возражать:

– Нет-нет, мой дорогой капитан Арнольдо. К сожалению, ваша мысль не всегда подтверждается фактами. Объект «Дабл-ю-эйч», например, союзники сооружают своими руками. Кроме того, из-за «Дабл- ю-эйч» мы были вынуждены закрыть наши свинцовые и серебряные рудники в каньоне Саваны. Тысячи горняков лишились работы и крова. Мы до сих пор не знаем, куда их девать.

Я насторожился. Савана – крупнейшая река Аурики. Километрах в пятнадцати от места её впадения в океан поставил точку остро отточенным карандашом Иван Иванович. Тогда, в Москве, на карте.

Между тем адъютант умолк. Его внимание привлекла танцовщица, плясавшая над входом в нашу беседку.

– Что такое «Дабл-ю-эйч»? – спросил я с невинным видом.

Адъютант посмотрел на меня отсутствующим взглядом и нарисовал в воздухе пальцем две литеры: «W» и «H», после чего промямлил:

– «Дабл-ю-эйч» – это «Дабл-ю-эйч». Так его называют наши североамериканские союзники.

– Новая база?

– Н-е-е-т. «Дабл-ю-эйч» не база. Там штатских больше, чем военных. Никто в Аурике не знает, что такое «Дабл-ю-эйч». Никто, кроме Роджерса.

– Впервые слышу это имя.

– Ну, Роджерс присматривает за всеми нами. Он из Штатов. Официально его именуют советником президента по вопросам безопасности. Видите ли, мой дорогой капитан Арнольдо, наша контрразведка занята вылавливанием коммунистов и просто диссидентов. Ей не до шпионов. Шпионами у нас занимается Роджерс. Так что берегитесь Роджерса.

Адъютант захохотал, ещё раз помотал головой и продолжал:

– Мы чудесно провели время, не правда ли? Но теперь я испытываю потребность в женщине. Закажите такси, капитан. Если хотите, поедем вместе. Там и для вас кое-что найдётся.

– Спасибо, в другой раз. Перебрал. Хочу спать.

– Дело хозяйское.

Я кликнул боя, велел подать счёт и вызвать две машины. Адъютант убыл первым. Проводив его, я поехал в свою постылую казарму, где мне оставалось ночевать ещё две недели.

В конце февраля меня произвели в майоры и назначили командиром роты президентской гвардии. Однако я не мог приступить к несению службы во дворце, пока шился мой новый мундир. Мне предстояло болтаться несколько дней без дела. И тут меня осенила идея съездить в район строительства объекта «Дабл-ю-эйч» и своими глазами увидеть то, что можно увидеть. Для этого я решил воспользоваться давним предложением Рудольфа и совершить прогулку вдоль побережья на его автомобиле. Путешествие по Панамериканской магистрали днём не представляло серьёзной опасности, так как эта дорога хорошо охранялась. И всё же я на всякий случай переоделся в штатское.

Путь наш пролегал по весьма живописной местности. Слева от шоссе синим расплавленным золотом сиял и фосфоресцировал под солнечными лучами необъятный океан, вздымающийся у горизонта к небу. Справа тянулись невысокие лесистые горы, которые иногда уходили на задний план, уступая место кукурузным, хлопковым и рисовым полям. Параллельно шоссе, метрах в двухстах от него, темнела ниточка железной дороги, четко обозначенная стол-

бами равного назначения и опорами высоковольтной линии. Идилличность пейзажа нарушалась лишь торчащими там и сям бетонными колпаками дотов и сторожевыми вышками.

Рудольф был в отличном настроении. Он болтал без умолку, рассказывая о студенческой жизни в Аахене, о проказах буршей. Машину вёл одной рукой, лихо, на грани постоянного риска. Когда мы выехали из города и понеслись по автостраде, я задал ему вопрос, который и прежде задавал неоднократно: чем он намерен заниматься на родине. Но если раньше Рудольф уходил от ответа, то на сей раз я наконец смог удовлетворить своё отнюдь не праздное любопытство. Он сказал, что не считает Аурику своей родиной и, очевидно, вернётся в Германию, где посвятит себя научной деятельности на благо фатерланда. Участие в политической жизни тоже не исключается. В науку вне политики он не верит. Осталось только получить согласие отца на возвращение в Европу. Старый Буххольц пока противится. Ему хотелось бы видеть Рудольфа активным наследником своих миллионов, предпринимателем. Но будучи истинным немецким патриотом, отец наверняка скоро капитулирует, и Рудольф сможет уехать из дома по-хорошему.

– Не дело оставлять старика без сыновней поддержки, – заметил я. – Разве в Аурике нет научно-исследовательских центров, где ты мог бы найти применение знаниям, полученным в Аахене? И разве в Ла Паломе нет организации немецких патриотов, вносящей достойный вклад в общее дело всех немцев?

Рудольф нецензурно выругался.

– Какое бы научное открытие я ни сделал, работая здесь, его неизбежно присвоят янки. Что касается организации, то она действительно существует. Но проку от неё – ни на грош. Старики хвастаются друг перед другом своими коллекциями реликвий да слушают пленки с записями речей Гитлера и других вождей рейха, а молодежь вечерами собирается в пивных, где горланит «Вахт ам Райн», «Хорста Весселя» или «Когда наши танки ворвутся в Кремль». Утром же все они мирно расходятся по бюро и офисам, где прилежно вкалывают во славу папаши Мендосы.

– Ты не любишь янки?

– За что ж мне любить их? Они были нашими врагами в минувшей войне. А, кроме того… Знаешь, однажды во время летних каникул я проехал на автомобиле Штаты вдоль и поперек. Там всё грандиознее, чем в любой другой стране, – и здания, и дураки. Янки меня потрясли. Их спесивость, самодовольство и ограниченность фантастичны. Никто из тех, с кем я беседовал, не знал, где находится Федеративная республика. Многие американцы не умеют правильно написать фамилию собственного президента. В Старом Свете им известна только Россия. Что там есть Москва и Сибирь. И что Россия хочет уничтожить Америку. Больше ничего.

– Но все-таки они первые оставили свои следы на Луне.

– Да что бы они делали без нашего Вернера фон Брауна?! Они скупают чужие мозги по всему свету. Своих им явно не хватает. Немцам бы их независимость и мошну! Мы бы не то, что на Луне, мы бы на Марсе и Венере оставили следы! Вот, кстати, посмотри!

Рудольф указал рукой вперёд. Долина Саваны во всей её зелёной роскоши открылась нам.

Вырвавшись из каньона, река круто огибает высокий холм, поставленный природой так, чтобы преградить ей путь и отдает себя океану. У самого устья она разделяется на сотни протоков, которые, словно играя в прятки, то там то здесь поблескивают среди буйной растительности. Над холмом, заслонённый до зубцов стен и верхушек башен вековыми кедрами, невесомо парит видением из сказки о Коте в сапогах готический дворец.

– Какой красивый замок! – не удержался я от восхищённого восклицания.

– Это не замок, – усмехнулся Рудольф. – Это монастырь Святой Магдалены. Женский монастырь. Но вовсе не на него хотел я обратить твоё внимание. Известно ли тебе, что находится в каньоне за холмом?

– Нет.

– Там объект «Дабл-ю-эйч».

– А-а-а. Новая база США. Слыхал.

– Никакая это не база! Это гигантский научно-исследовательский комплекс.

– Ты-то откуда знаешь такие вещи?

– О «Дабл-ю-эйч» известно многим. Когда я учился на последнем курсе ВТШ, туда явились янки в штатском и принялись вербовать наиболее способных выпускников на этот самый объект. Прекрасные жилищные условия. Огромные оклады. Первоклассные лаборатории, оснащенные новейшим оборудованием. Возможность публиковать статьи в солидных научных журналах. Под псевдонимом, конечно. И при наличии визы режимной службы. Хочешь жениться – женись, обзаводись семьей, плоди детишек. Там достаточно много молодых девушек и одиноких женщин. Всё предусмотрено. И состояние можно сколотить, и научный капитал, и личную жизнь устроить. Надо только подписать контракт на пятнадцать лет. Пятнадцать лет в фешенебельном концлагере! Оттуда нельзя выходить, нельзя писать письма родным, нельзя звонить по телефону.

– Тебе тоже предлагали?

– Само собой. Но я ведь сын миллионера. Меня не купишь за деньги. А сокурсники-то мои все согласились.

– И каков же характер исследований, ведущихся в «Дабл-ю-эйч»?

– О-о-о… Думаю, что никто из молодых людей, которых завербовали и продолжают вербовать для работы на объекте, этого не знает. Так всегда бывает в закрытых институтах. Каждый делает свою тему, не имея представления о теме соседа, и что выйдет из всего этого в комплексе, никому, кроме нескольких посвящённых, неведомо. В нашей ВТШ вербовали физиков, химиков, специалистов в области системных исследований, в других вузах Федеративной республики – биологов, врачей, психологов, механиков, конструкторов, строителей.

– Какой инженерный профиль у тебя?

– Высокочастотные поля. Но из этого ничего не следует. Скажу со всей определённостью только одно: добрые дела не прячут за тремя рядами колючей проволоки. Полагаю, что янки затевают колоссальную мерзость. Ха! Тот, который беседовал со мной в Аахене, сказал: «Дабл-ю-эйч» охраняется лучше, чем граница между Федеративной республикой и «Зоной».

– После подписания Баром и Колем соответствующего договора мы должны говорить не «Зона», а ГДР.

– Мне плевать на Бара, Коля и их договор! Для меня существовала, существует и будет существовать только единая, ни от кого не зависящая Германия. Кстати, договор ещё не утвержден бундестагом. Посмотрим, удастся ли социал-демократам протащить через парламент свой предательский акт.

Я ничего не ответил Рудольфу, но крепко пожал ему руку, показывая тем самым, что полностью разделяю его отношение к событиям, происходящим на родине.

Долина Саваны осталась позади. Из-за поворота дороги слева наплывом шли на нас крутые крепостные бастионы, поднимавшиеся, казалось, прямо из океана.

– Тоже монастырь? – поинтересовался я.

– Нет, – ответил Рудольф, – это тюрьма Монкана. Политическая тюрьма. В народе её называют «виллой Рохеса» или «дачей Рохеса». Генерал иногда приезжает сюда по выходным, чтобы развлечь себя общением с арестованными коммунистами.

– Постой, постой, ведь здесь убили Делькадо!

– Да, здесь.

Рудольф несколько минут вёл машину молча, хмуро и сосредоточенно вглядываясь в пустынное серое полотно шоссе. Потом вдруг заговорил быстро и горячо:

– Вот Делькадо был нам врагом, так? Почему же я всегда думаю о нем с уважением? Наверное, по той причине, что генерал сумел не запятнать свою идею бытовой грязью. А

папаша Мендоса и его сподвижники вроде бы нам друзья. Но кто их почитает? Да никто, кроме кучки холуйствующих прихлебателей. И потому я спрашиваю тебя, Арнольд: ради чего мы с тобой торчим здесь? Ну, хорошо, ты беден, тебе надо застраховаться от нищей старости. Я-то застрахован! Давай уедем в Германию вместе! Мои деньги – твои деньги! Кроме того, у отца там связи. Он найдёт для тебя хорошую работу. Устроит в бундесвер, если захочешь. Убежден, что отец без колебаний даст тебе любые рекомендации. Ведь ты умный, способный человек и можешь приносить прибыль…

– Успокойся, Руди, – перебил я его. – И не гони машину так быстро. А то мы рискуем свалиться в пропасть. У меня есть одна просьба. Не торопись с отъездом на родину. Через пару месяцев я сумею доказать тебе, что служить Германии можно и здесь, в Аурике.

Рудольф бросил в мою сторону удивленный взгляд.

– Докажи сейчас!

– Не время. И вообще забудь пока об этом разговоре. Но повторяю: мы вернемся к нему через пару месяцев. Обещаешь не ехать?

– Хорошо… Если ты настаиваешь, я не буду спешить с отъездом… Вот уже и граница. Надо поворачивать назад.

На обратном пути мы болтали о Беттине Брентано, её взаимоотношениях с Бетховеном и Гёте, а также о той выдающейся роли, какую довелось сыграть некоторым женщинам в жизни великих людей. Пообедали в придорожном ресторанчике у монастыря Святой Магдалены, полюбовались видом на океан. В Ла Палому вернулись около четырёх часов пополудни. Прощаясь, договорились встретиться через два дня.

В казармах президентской гвардии, где мне были отведены пятикомнатные покои, я встретил Крашке, который на вытянутых руках бережно нес по бесконечному коридору мой новый мундир.

Уходя из Легиона, я взял Герхарда с собой. Мне удалось выхлопотать ему местечко при провиантских складах президентского дворца, что вполне соответствовало его вожделенным чаяниям. Поскольку в гвардию брали только стройных мужчин не старше сорока двух лет и ростом не ниже 175 сантиметров, моему протеже позволили в порядке исключения носить форму легионера.

Взяв у Крашке мундир, я прикрепил к верхней его части два пожалованных мне аурикансих ордена и осторожно напялил на себя непривычную белую одежду. Тяжелые серебряные эполеты давили на плечи, аксельбанты нелепо свисали до широкого золоченого пояса, на котором болталась короткая сабля. Всё это венчала огромная, как велотрек, фуражка с высоченной тульей.

Приблизившись к зеркалу, я прыснул. На меня растерянно и вместе с тем нахально смотрел червовый валет с пижонскими усиками, не очень, правда, молодой, но ещё ничего-о-о!

– К этому надо привыкнуть, – сказал наблюдавший за мной Герхард. – Прицепи пистолет и походи по комнатам, прежде чем появляться на улице.

Я последовал его совету и, только когда стемнело, отважился прогуляться по площади Свободы, где повсюду: у ворот президентского дворца, у подъездов правительственных учреждений, у входа в усыпальницу генерала Делькадо – стояли солдаты, одетые в такую же форму, как у меня. Это придало мне уверенности, и я зашагал на главпочтамт, откуда отправил «сестре» письмо, в котором сообщил о своем новом назначении и условной фразой попросил Центр направить в моё распоряжение радиста.

Утром следующего дня Рохес представил меня президенту. Через этот ритуал проходили все вновь назначаемые офицеры гвардии, и я не должен был составить исключения.

Почтительно склонившись перед Отцом Отечества, врачи ждали его приговора. Только что они доложили президенту о смерти одного из членов Государственного совета. Уже больше часа хитроумные машины гоняли кровь по холодеющему трупу и раздували его лёгкие, но

покойник не оживал. Врачи просили санкционировать остановку реанимационного агрегата и составление соответствующего медицинского заключения. Однако Мендоса медлил. Неподвижным восковым чучелом сидел он в глубоком мягком кресле, полуприкрыв веки и почти не дыша. Его желтые отекшие руки безжизненно лежали на подлокотниках. Нижняя челюсть отвисла, придав оплывшему бабьему лицу выражение тихого идиотизма. Казалось, диктатор спал. Но это было не так. Мысль конвульсивно, с натугой шевелилась в его склеротическом мозгу, приобретая постепенно форму управляющего решения.

Умершего сановника причисляли к ближайшим сподвижникам Мендосы. Они вместе гробили революцию и сооружали тот неприступный замкнутый мирок, в котором им жилось, как у бога за пазухой. Вкупе с другими дряхлеющими соратниками они на протяжении четверти века стойко обороняли свой бастион, на штурм коего то и дело с визгом кидались пятидесятилетние юнцы, желавшие тоже лакомиться вожделенным пирогом власти. Хлипкая молодежь, подобно сухому гороху, отскакивала от стен их крепости и падала, сражённая инфарктами и инсультами, а они жили себе дальше. Правда, иногда случалось так, что смерть показывала и им свой оскаленный череп. Они воспринимали это как нечто противозаконное и кощунственное. Любой из них не ставил ни во что тысячи чужих жизней, но над своей трясся, как скряга над сундуком с червонцами.

Мендоса не испытывал чувства жалости к распластанному в реанимашке другу и коллеге. Сантименты были глубоко чужды его натуре. Но нельзя было создавать прецедента. Когда остановится его, мендосино сердце, Рохес, с нетерпением ожидающий этого момента, может дать врачам отбой через пять минут.

В зале стояла тишина, нарушаемая лишь едва слышным гудением мощных кондиционеров. Невесть откуда взявшаяся муха села на шишковатую покрытую темными пигментными пятнами лысину Отца Отечества. Сотрудник личной охраны осторожно прогнал её. Диктатор вздрогнул и приподнял веки. Врачи склонились ещё ниже.

– А что он совсем умер? – спросил Мендоса дребезжащим стариковским голосом.

– Совсем, – пролепетал один из медиков.

– Но всё-таки попытайтесь ещё!

Белые халаты неслышно удалились. Наступило успокоение. Но тут приковылял министр иностранных дел, высохший, сутулый, с пергаментным лицом мумии, и напомнил о предстоящем визите чрезвычайного и полномочного посла Парагвая, который, как предполагалось, намеревался предъявить президенту серьёзные претензии по поводу невыполнения Аурикой договорных обязательств, касавшихся взаимных поставок сырья. Мендоса подумал, что у него вчера в это время уже был стул, а сегодня его ещё нет, и надо бы было сказать об этом медикам. Посол со своими дурацкими претензиями напросился на приём совершенно некстати, но отказать ему в аудиенции президент не мог, так как уже неоднократно отказывал в прошлом без видимых поводов.

Мендоса сделал знак охранникам. Те бережно вынули его из кресла и поставили на пол. Затем помогли ему сбросить халат и облачиться в парадное одеяние генералиссимуса. Больше всего возни было с увешанным крестами и звездами сюртуком, который весил не менее шести килограммов. Чтобы ордена не оттягивали ткань вниз, их прикрепили к тонкой металлической пластине, спрятанной под подкладку. Благодаря этой пластине, сюртук мог не висеть в шкафу, а стоять на высокой, инкрустированной слоновой костью тумбе в спальне диктатора. Последний с удовольствием семенил вокруг него, как бы любуясь собой со стороны.

Едва процедура одевания была окончена, грузный Мендоса тяжело плюхнулся в кресло и стал переводить дух. Сотрудники охраны возложили на его грудь голубую атласную ленту ордена Белого Кондора и отошли в стороны. Министр иностранных дел велел своему секретарю пригласить в зал посла. Тот вошёл, учтиво поклонился и принялся читать длинный занудный меморандум, составленный по всем правилам дипломатического крючкотворства. Прези-

дент не слушал. Он думал о том, что у него нет стула и что надо бы в этой связи предпринять какие-то меры. Когда посол закончил чтение, Мендоса пообещал ему взять под личный контроль выполнение Аурикой торговых обязательств, данных Парагваю, и тут же забыл об этом обещании. В последние годы память не раз подводила Отца Отечества, что нередко давало мировой прессе материал для весёлых сенсаций.

За три года до описываемых событий Мендоса посетил с дружественным визитом одну из островных республик Карибского бассейна. В путь отправились четырьмя самолетами. В первом размещался президент с персональной реанимашкой и лейб-медиками, во втором – сотрудники его канцелярии и охраны, в третьем – министр иностранных дел со своей мидовской камарильей. В четвертом лайнере летели любимая корова и куры диктатора, а также контейнеры с приготовленными специально для него пищей и водой. После приземления в аэропорту, обведя мутным взглядом суетливую свору репортеров, трещавшую затворами фотоаппаратов и вспыхивавшую блицами, Мендоса поманил к себе министра иностранных дел и, ткнув пальцем в сторону главы пригласившего их государства, который в это время как раз читал приветственную речь, прошамкал прямо в микрофон: «Как его зовут?» Старенький министр поднатужился и выдал имя вождя одного из африканских племен. Это был последний вояж Отца Отечества за рубеж. Государственный совет принял тайное решение, рекомендовавшее диктатору сидеть дома и никуда не рыпаться, дабы не наносить ущерба международному престижу Аурики.

Не успела закрыться дверь за парагвайским послом, как в зал вошел Рохес, толстый, здоровый, жизнерадостный. Военный министр весело доложил обстановку на фронтах. Она была относительно стабильной. Кое-где повстанцев удалось даже оттеснить в горы. Закончив доклад, генерал попросил разрешение представить господину президенту нового командира пятой гвардейской роты. Мендоса кивнул. Позвали меня. Я замер шагах в пяти от президентского трона, рассматривая сидевший передо мной раззолоченный вредоносный полутруп с любопытством и гадливостью. Рохес четко назвал мою должность, звание и фамилию. Мендоса приоткрыл один глаз и тут же закрыл его. Церемония представления состоялась. Рохес знаком велел мне удалиться. Сам он задержался подле диктатора еще на несколько минут. Ведь генерал был не только министром обороны, но и министром общественной безопасности. В этой связи ему предстояло получить санкцию президента на приведение в исполнение полутора десятков смертных приговоров, вынесенных военными трибуналами по делам о совершении особо опасных государственных преступлений, а таковыми считались любые действия или слова, направленные на подрыв власти и авторитета Мендосы или членов Государственного совета.

В Аурике крали и брали взятки все, кому было что украсть или от кого что-либо зависело. Воровство и мздоимство считались нормой, и никем не наказывались. Более того, охранка Рохеса устанавливала оперативное наблюдение за теми немногими чиновниками, которые не давали затянуть себя в паутину коррупции, ибо последние могли поддаться влиянию марксистов. Сам Мендоса не крал. Ему несли так. Ещё в сороковых годах Отец Отечества объявил, что у него три хобби: бриллианты, оружие и автомобили. Ко времени моего прибытия в Аурику личные коллекции диктатора по указанным статьям достигли уровня крупнейших в мире.

Итак, в Аурике можно было воровать миллионы и оставаться при этом уважаемым человеком, но тот, кто отваживался вякнуть хотя бы одно словечко, порочащее элиту, рисковал потерять голову.

Рохес раскрыл перед президентом тощую черную папку. Мендоса пошуршал бумагами, не читая их. Только один документ, в котором несколько строк были подчеркнуты красной тушью, привлек его внимание. По сообщению осведомителя охранки, некий студент столичного университета якобы заявил в пьяной компании, что Мендоса вовсе не Отец Отечества, а старая, разложившаяся, впавшая в маразм скотина. Допрошенные участники пирушки пока-

зали, что слова эти принадлежали не студенту, а человеку, чьё имя осталось неизвестным. Однако трибунал счёл возможным приговорить к смертной казни все-таки студента.

Анализ биографий выдающихся политических лидеров XX века показывает, что почти все они либо вообще нигде не учились, либо учились мало и плохо. Почётный доктор прав Гарвардского, Оксфордского, Боннского, Токийского и многих других университетов Франсиско Мендоса приобрёл элементарные познания в области чтения и письма у сельского священника, оказавшегося первым и последним учителем президента Аурики. Откуда же было знать Отцу Отечества, что такое презумпция невиновности? Но если бы он даже и узнал это, то вряд ли стал бы менять свои решения по приговорам, подсовываемым ему Рохесом.

Диктатор взял из рук министра фломастер и трясущейся рукой накалякал в конце каждой бумаги две слившиеся в зловещем объятии буквы: «f»[2] и «М», означавшие: «Расстрелять. Мендоса». Рохес забрал папку и покинул зал приемов. Президент прикрыл глаза и погрузился в дремоту.

В юности Мендоса батрачил на кофейных плантациях, принадлежавших родителям Делькадо. Он был верным старательным работником. Именно из таких получаются самые страшные рабовладельцы. Когда молодой сеньор Аугусто сжёг своё поместье и поднял в горах знамя восстания, Мендоса встал под это знамя. Почему он это сделал? Историки-прагматики считали, что из преданности хозяину. Историки-догматики полагали, что из ненависти к угнетателям. И те и другие заблуждались. Мендоса пошёл в революцию из жгучей зависти к аристократам, из зависти, которая по внешним признакам так похожа на классовую ненависть. Он хотел победить и уничтожить богачей, чтобы стать таким же, как они. Будущий диктатор терпеть не мог Делькадо, завидуя его уму, образованности, отваге, успеху у женщин, благородству и даже умению прощать побеждённых врагов. Однажды – это было в день взятия революционной армией Ла Паломы, – генерал прискакал в тот полк, которым командовал Мендоса, чтобы лично поздравить солдат с победой. Осадив коня, он легко спешился и, держа в руке повод, пошел навстречу Мендосе, стройный, красивый, разгорячённый боем, заряженный радостной энергией. Конь всхрапывал и высоко задирал голову. Ласково успокаивая его, генерал крикнул: «Эй, Франсиско, не найдётся ли у тебя глотка воды для меня?» Мендоса с дружелюбной улыбкой протянул командующему свою флягу и тут же в душе пожалел о том, что она наполнена водой, а не ядом. Эта мысль поначалу напугала его, потом он привык к ней и стал желать Делькадо смерти ежедневно и ежечасно. В сороковых годах официальная пропаганда Аурики возвела Мендосу в сан великого продолжателя бессмертного дела Делькадо. По всей стране, в подходящих и неподходящих местах, можно было видеть броско исполненные лозунги типа «Мендоса – это Делькадо сегодня» или «Вперёд за Мендосой по пути, указанному Делькадо!».

Очнувшись от дремы, Отец Отечества снова увидел перед собой врачей и долго не мог сообразить, что им нужно. Потом вспомнил и прокряхтел:

– Ну, как он там? Никакой надежды?

– Никакой, – последовал ответ.

– Ладно, выключайте, – разрешил Мендоса и тут же опять впал в сонное забытье.

На этот раз никто более не мешал ему. Он спал долго и крепко и совершил стул, не прерывая сна.

Личная гвардия президента Аурики была маленьким государством в государстве. Она комплектовалась исключительно из иностранцев, не владевших испанским языком, дабы местное население не могло вступить в преступные контакты с гвардейцами. Легион тоже состоял из одних чужеземцев, но если в нём служили преимущественно уголовники и бродяги, то в гвардию принимали опытных кадровых военных, заручившихся соответствующими рекомен-

[2] «f» – от «fusillar» – расстрелять (*исп.*).

дациями властей своих стран. Впрочем, иногда, как в моём случае, гвардейцами становились и особо отличившиеся в боях с партизанами легионеры.

Президентская гвардия состояла из шести рот и насчитывала до девятисот солдат и офицеров. Ей были приданы артиллерийский дивизион, десяток средних танков и несколько вертолётов. В общем, несмотря на свой бутафорский вид, это была хорошо вооружённая и вполне боеспособная часть, которая могла при необходимости постоять за сеньора президента и за себя.

Начальник гвардии подчинялся только Мендосе и Рохесу. Ему в порядке исключения разрешалось знать испанский язык, чтобы он, будучи приглашённым на правительственный приём, имел возможность ангажировать на танец даму и беседовать с ней.

Гвардия несла внешнюю и внутреннюю охрану президентского дворца и других объектов, расположенных на площади Свободы. Охрана личных покоев президента была возложена на сотрудников Министерства общественной безопасности.

Сразу же после того, как я был представлен Мендосе, начальник гвардии полковник Нокс повел меня по залам, коридорам и переходам дворца, чтобы показать мне, где находятся наши посты, и объяснить, что конкретно охраняет каждый человек. Его пояснения были весьма краткими, но доходчивыми:

– Здесь канцелярия президента. Некрасивых девочек на работу сюда не берут… А тут яйцеголовые сочиняют учёные труды папаши Мендосы. Полшкафа уже написали. Не думаю, чтобы автор когда-либо открывал какую-нибудь из этих книг. Население тоже не больно их читает. Сколько меловой бумаги зря переводится! Ай-ай-ай!.. Вон там обосновалась медицина. Докторов у президента не меньше, чем гвардейцев. Есть геронтологи с мировым именем. В той пристройке – целый клинический институт. Одна лаборатория исследует и врачует сердце нашего благодетеля, другая – почки, третья – печёнку и так далее, и тому подобное. Но более других суетятся кардиологи, которые вообще не отходят от старика. Даже когда он ложится спать, его включают в сеть и непрерывно наблюдают за кардиограммой. Впрочем, последнее мероприятие осуществляется в отношении всех членов Государственного совета… Да! На всякий случай: все туалеты дворца оборудованы скрытыми телевизионными камерами.

Услышав такое, я испытал чувство некоторого профессионального уважения к аурикан-ской контрразведке. Ведь туалет – это место, весьма охотно используемое секретными службами цивилизованных стран для проведения разного рода шпионских операций. Чаще всего – для безличной связи. Прилепил к сливному бачку магнитный контейнер с информацией – и был таков. А через некоторое время контейнер снимет и унесёт тот, кому положено.

Однако мой командир-гид разочаровал меня, объяснив, зачем нужны скрытые камеры. Оказалось, что в семьдесят первом году дал дуба на толчке один из членов Государственного совета: бедолага имел слабые сосуды головного мозга и страдал запорами, вследствие чего с ним приключился инсульт. После этого случая было решено ни на секунду не оставлять сановитых старцев без наблюдения.

Меня нисколько не удивляла та ирония, с какой начальник президентской гвардии говорил о Мендосе и его приспешниках. Охраняющие всегда презирают охраняемых, ибо слишком много знают о слабостях и пороках своих подопечных.

У одной из дверей бравый полковник задержался и, сделав испуганное лицо, произнес полушепотом:

– За этими створками – бюро мистера Роджерса, советника президента по вопросам безопасности. Поимейте в виду, майор: Роджерс – единственный человек во всей Аурике, кого нам с вами следует опасаться. Роджерс…

Он не договорил. Дверь распахнулась, и в коридор вышла девушка с маленьким плетёным коробом, болтавшимся на мизинце её левой руки, который был согнут крючочком. Она направилась к лестнице, ведущей на первый этаж, и сбежала по широким мраморным ступе-

ням вниз. Густые тёмные волосы укрывали её сзади почти до пояса. Лица девушки мне не удалось разглядеть, однако я успел заметить, что она очень лёгкая и гибкая. Отвечая на мой вопрошающий взгляд, полковник Нокс пояснил:

– Это мисс Изабелла Мóртон, секретарша и любовница Роджерса. Во дворце её зовут просто Исабель. Малютка Исабель. Несколько лет тому назад Роджерс откопал её в каком-то притоне. Потом ей дали образование, обучили манерам. Она – создание Роджерса, его Прекрасная Леди. Старик очень гордится ею.

– А что, Роджерс стар?

– По здешним понятиям нет, но вообще-то ему уже под шестьдесят.

– И малютка не наставляет своему боссу рога?

– Да что вы! Роджерса тут все боятся, как скорпиона. На неё даже смотреть опасно! И тем не менее каждый знает, что Исабель прехорошенькая. Она похожа на молодую ведьму. Сейчас вы сами сможете в этом убедиться.

И полковник кивнул в сторону лестницы. Девушка быстро поднималась навстречу нам. Её корзинка была наполнена свежей клубникой. Завидев мужчин, она попыталась одёрнуть светлое мини-платьице, но когда это ей не удалось, махнула рукой и продолжила свой путь. Взглянув на лицо девушки, я подумал, что Нокс зря болтал насчёт ведьмы. Красота мисс Мортон была строгой и вдохновенной. Проходя мимо нас, Исабель поздоровалась с моим командиром и улыбнулась ему неожиданной мягкой и милой улыбкой. При этом я успел заметить, что глаза у неё темно-синие, а зубы ослепительно-белые и ровные.

– Ну как? – спросил Нокс, лишь только она скрылась в бюро Роджерса.

– У меня нет слов, – ответил я, разводя руками.

– То-то! Малюткой Исабель можно любоваться изредка и издали на больших приёмах, когда она переводит с испанского на английский и наоборот.

– Кто же мисс Мортон по национальности?

– Задайте вопрос полегче! Отцом её был, кажется, офицер армии США, погибший во Вьетнаме, а кто мать и где она, – не знаю… Полагаю, что нам пора спуститься в бар и познакомиться мороженым с клубникой. Разрешается и по рюмке коньяка, но только по одной. Служба!

Бар в президентском дворце состоял из двух ярусов: он начинался на первом этаже и заканчивался в подвале. Верхний ярус представлял собой обыкновенный буфет, где можно было наскоро перекусить и выпить у стойки, не присаживаясь, бокал пива, бутылочку пепси-колы или рюмашку чего-нибудь покрепче. Внизу же всё предназначалось для постепенного и основательного снятия стрессов. Здесь, в голубом полумраке, играла тихая музыка, удобные мягкие кресла за продолговатыми низкими столиками располагали к безмятежному отдыху. У стойки, вместо традиционных крутящихся стульчиков, выстроились полдесятка оседланных коней, сработанных из дерева и цветного пластика почти в натуральную величину. По желанию клиента бармен-китаец нажимал на кнопку и соответствующий конь начинал гарцевать, поднимаясь и опускаясь на толстой металлической штанге, спрятанной под его брюхом. Иногда кто-либо из подвыпивших посетителей бара вываливался из седла на пол, что вносило элемент оживления в чинную атмосферу респектабельного подвальчика.

Я стал захаживать в бар вместе с другими офицерами гвардии. Это не возбранялось в те вечера, когда мои солдаты были свободны от ночной караульной службы. Очень скоро круг завсегдатаев правительственного кабачка был определен мною с достаточной точностью, а коллеги-сослуживцы охотно и безвозмездно одаривали меня интереснейшей информацией о подноготной каждого из высокопоставленных выпивох.

На фоне безликой протокольной массы чиновников президентской канцелярии выделялось несколько весьма колоритных фигур. К ним следовало отнести прежде всего министра полиции генерала Чурано, двухметрового гиганта с лошадиной физиономией, женатого на

старшей дочери Мендосы Терезе. До вступления в брак Чурано стоял с полосатой палкой на площади Независимости, где дирижировал потоками автомобилей в часы пик. Его почитали как лучшего регулировщика столицы и даже наградили медалью. Он был доволен своей службой и не помышлял о карьере. Но вот однажды на него положила глаз сеньора Тереза, мерзкая старуха, известная во всей стране и далеко за её пределами изощренным распутством и скандальными биржевыми аферами. Сплетники утверждали, что у неё волосатая грудь и миллионные счета в крупнейших банках мира. В один прекрасный день скромного регулировщика сняли с полицейской тумбы и сделали зятем диктатора. В качестве свадебного подарка Мендоса преподнёс ему генеральские эполеты. Чурано был на тридцать лет моложе сеньоры Терезы, которая после венчания заявила журналистам, что её девятый брак, очевидно, будет последним, ибо ни с одним из предыдущих мужей она не испытала столь сладкой духовной близости.

Напоить стопятидесятикилограммового министра полиции было нелегким делом, но тем не менее его подчиненным это удавалось почти каждый вечер. Надравшись, генерал доставал из карманов галифе пригоршню разнокалиберных полицейских свистков и исполнял на них государственный гимн Аурики. Незатейливая тангообразная мелодия многократно высвистывалась им на «бис» к великому удовольствию иностранных дипломатов и представителей авторитетнейших телеграфных агентств планеты.

Чурано был глуп и добр ровно настолько, насколько умён и жесток был Рохес. Такой борец с преступностью вполне устраивал тесно связанную с уголовным миром, проворовавшуюся погрязшую во взяточничестве правящую клику, слитую воедино в чугунном, непробиваемом блатном сплаве.

Не обходили бар стороной и два закадычных друга: англичанин Уилсон и француз Бессьер. Первый работал в СИС, второй в СДЕСЕ. Они не скрывали своей принадлежности к секретным службам великих европейских держав – Англии и Франции и даже бравировали этим. Пожалуй, лишь Уилсон и Бессьер не испытывали здесь ни малейшего страха перед Роджерсом, шустрым старикашкой с циничным лицом профессионального политика, и позволяли себе отпускать панибратские шуточки в его адрес. Да и Роджерс держался с ними, как с равными, и выпивал только в их компании. Эта троица пользовалась полной свободой слова. Они иногда болтали такое, за что любому другому в Аурике не поздоровилось бы. Мендоса многое разрешал своим друзьям и союзникам. Однажды я случайно подслушал, как захмелевший Бессьер сказал Роджерсу и Уилсону буквально следующее:

– Есть мудрая азиатская пословица: человек, потерявший друга, молча несёт свое горе; человек, потерявший деньги, громко кричит о своей утрате; человек, потерявший совесть, не замечает потери… Знаете, почему мы все так веселы? Потому что не замечаем потери.

– Куда ты гнёшь? – хмуро спросил Уилсон.

– А туда, что чем дольше мы будем пребывать здесь, тем больше горя принесём этой несчастной стране, которая нашими усилиями превращается во второй Вьетнам.

Роджерс никак не среагировал на крамольные слова Бессьера. Он только плеснул в рюмки собутыльников по двадцать граммов виски и предложил выпить за свободу Свободного мира. Никто не стал возражать ему. Когда же он удалился, француз, в котором, очевидно, дремали якобинские гены, не удержался от того, чтобы не процитировать Че Гевару: «Любая борьба в Латинской Америке, как бы она ни начиналась, кончается войной с Соединенными Штатами».

В середине апреля Мендоса велел начать сооружение противоатомного бункера для себя и членов Государственного совета. Строительство предполагалось вести в обширном парке, раскинувшемся за президентским дворцом. Ни одна из ядерных держав не вынашивала планов нападения на забытую богом и людьми Аурику. Бункер был делом престижа. К началу семидесятых годов почти все крупные и мелкие правители уже обзавелись модерновыми атомоубежищами со сроком автономности от нескольких месяцев до нескольких лет. Они хвастались

друг перед другом размерами и роскошью новых подземных покоев, не думая о том, что если мировая ядерная катастрофа действительно разразится, то управлять им из своих комфортабельных нор будет некем.

Как только инженеры приступили к разметке площадки под новый секретный объект, президентской гвардии было приказано усилить охрану дворцового парка. Получив этот приказ, полковник Нокс в сопровождении представителя Министерства общественной безопасности и нескольких офицеров гвардии сразу же направился в райские кущи, скрывавшие от посторонних глаз тыльную сторону резиденции Отца Отечества, а также некоторые интимные стороны его частной жизни. Надо было определить места расстановки дополнительных постов охраны. Я находился в свите полковника. Мы работали целый день, и возвратиться домой мне удалось только к ужину, который я рассчитывал съесть в обществе уютного балагура Крашке. Однако планам моим не суждено было осуществиться. Дома меня кроме Герхарда ожидал Рудольф Буххольц-младший, имевший вид взволнованный и таинственный.

– Сейчас ты должен поехать со мной, – объявил он. – У отца важное дело к тебе.

– Хорошо, – ответил я, с трудом скрывая удивление. – Но давай сперва перекусим. В моём желудке пусто как в ауриканской казне.

– Нет, – возразил Рудольф. – Ужинать будем у нас. Через пятнадцать минут подходи к парковке, что за оперным театром. Я буду ждать тебя в машине. Имеется ли в этом здании черный ход?

– Ого! Да ты, кажется, назначаешь мне конспиративную встречу. Герхард, покажи достойному ученику великого адмирала Канариса, как отсюда можно незаметно выбраться на улицу. А я пока проглочу булку с ветчиной и выпью апельсинового сока. Через четверть часа буду на парковке.

Старого Буххольца я нашёл в крайне возбуждённом состоянии.

Он сразу же увел меня в сумерки ночного парка, и не успели мы дойти до араукарии чилийской, как мне было дано понять, что наше незапланированное свидание вызвано чрезвычайными обстоятельствами.

– Умеете ли вы обращаться с секретной информацией, господин Фогт? – спросил Обезьяний Зад.

– Помнит ли господин фон Буххольц, что он говорит с немцем и офицером? – возмутился я.

– Ну-ну, не обижайтесь, прошу вас! – принялся успокаивать меня старик. – Мне хотелось всего лишь обратить ваше внимание на степень важности тех сведений, которые сейчас будут вам сообщены. В Аурике созрел антиправительственный заговор, и послезавтра заговорщики намереваются совершить покушение на жизнь президента, что должно послужить сигналом к военному перевороту.

– Ха! Кому это понадобилось убивать папашу Мендосу? Надеюсь, не коммунистам? Последние, насколько мне известно, отвергают индивидуальный террор.

– Во главе заговора стоит генерал Ламберц.

– Тогда мне непонятна причина вашего беспокойства, господин фон Буххольц. Ламберца не заподозришь в симпатиях к марксистам. Он человек наших убеждений, и мы с вами от переворота никоим образом пострадать не можем.

– Это не совсем так, господин майор. Ламберц – креатура Оппенгеймера. Он ненавидит немцев и в своем ближайшем окружении неоднократно заявлял, что покончит с немецкой мафией в Аурике.

Имя южноафриканского миллиардера Оппенгеймера, одного из шестидесяти богатейших, было мне хорошо известно. Уже в те годы клану Оппенгеймера принадлежала значительная доля добычи стратегического сырья в капиталистическом мире, в том числе урановые, мед-

ные, ванадиевые, хромовые и свинцовые разработки. Собственностью Оппенгеймера являлась и почти вся горнодобывающая промышленность Аурики.

– Вам известны детали готовящегося покушения? – поинтересовался я.

– Да. Послезавтра – годовщина смерти Делькадо. В этот день Мендоса всегда возлагает венок к усыпальнице генерала. Так вот: президента хотят убить во время церемонии возложения.

– Чушь какая-то! Да Мендосу охраняют надёжней сейфа с бриллиантами! Во время подобных актов вся служба безопасности и вся гвардия, а также надёжные полицейские подразделения выводятся на площадь Свободы. У каждого окна, выходящего на площадь, стоят мальчики Рохеса. Они же располагаются на крышах и в подвалах зданий, прилегающих к ней.

– Между памятником Делькадо и мавзолеем есть узкий проход.

– Знаю. Его закроют пятью гвардейцами во главе с унтер-офицером. Это всегда делается задолго до начала любого из подобных мероприятий.

– На сей раз гвардейцев не будет. Ваш начальник, полковник Нокс, контролируя посты, придерётся к какой-нибудь мелочи и отстранит солдат от несения службы, а прислать новый наряд «запамятует».

– Нокс подкуплен?

– Да. В случае победы путчистов он получит генеральский чин и сто тысяч долларов. Впрочем, половина названной суммы уже перекочевала в его карман. Полковник отказался рисковать без задатка.

– Деловой джентльмен. А ведь он гражданин США и наверняка агент Роджерса!

– Значит, ФБР и ЦРУ платят меньше. Но почему вы полагаете, что Роджерс ничего не знает о заговоре? Мендоса сделался чересчур одиозной фигурой, и необходимость замены его более подходящей сильной личностью напрашивается сама собой. Мы, местные немцы, тоже понимаем, что президента надо менять. Однако Ламберц в качестве кронпринца нас не устраивает. Мы за Рохеса. Кстати, последний тоже приговорен заговорщиками к смерти.

– А кто же отважится привести приговор в исполнение?

– Нашли одного молодого дурня. У его семьи старые счёты с Мендосой. Этот парень будет в форме полицейского. Он должен как можно ближе подобраться к месту возложения венка и успеть застрелить Мендосу и Рохеса, прежде чем его самого застрелит охрана. Убийство президента послужит сигналом к выступлению путчистов.

– Эти данные получены агентурным путем? – поинтересовался я.

– Да уж не из газет.

– Ваша организация располагает прекрасными источниками.

– Ну, какая организация! – заскромничал Обезьяний Зад. – Так… Небольшой союз местных предпринимателей немецкого происхождения. Мы живём в сложном, жестоком и изменчивом мире, господин майор. В наше время побеждает тот, кто не жалеет денег на содержание своей секретной службы. Мы, немцы, понимаем толк в подобных делах. У нас тут есть люди, обладающие богатым опытом разведывательной работы. У них солидная выучка, полученная на всемирно известных фирмах.

– Вы имеете в виду абвер и СД?

– Да.

– Последний вопрос, господин фон Буххольц: для чего вам понадобилось рассказывать всё это мне?

– А для того, чтобы вы сообщили услышанное Рохесу. Но только ему одному. И никому другому.

– Я обязан вашей семье очень многим, господин фон Буххольц, и считаю своим долгом выполнить любую просьбу, исходящую от вас. Однако мне неясно, почему вы не хотите поговорить с министром сами?

– Почему я не хочу поговорить с министром сам? А если заговорщики, несмотря ни на что одержат верх? Куда мне тогда деваться со всей моей недвижимостью? Вам проще: у вас ничего нет. Сели на самолёт – и поминай как звали.

Так вот что имел в виду старый фашист, когда в первый день нашего знакомства говорил о людях конкретного действия! Их шайке был нужен камикадзе, и они нашли его в моем лице.

Обезьяний Зад пошарил в карманах и протянул мне небольшой пакет.

– Здесь жалованье командира роты президентской гвардии за три года и панамский паспорт на вымышленное имя. Вы воспользуетесь этим, если путчисты все-таки захватят власть. Как видите, вопрос вашей безопасности нами тоже проработан, господин майор.

Я взял пакет, зная, что вскрывать его не стану ни при каких обстоятельствах. Бегство из Аурики не входило в мои планы.

Буххольц пригласил меня в столовую. Я отказался от ужина, хотя и был голоден. Мне не хотелось возвращаться домой чересчур поздно. Это могло бы привлечь внимание посторонних.

В ту ночь я не сомкнул глаз. Радиосвязи с Центром у меня пока ещё не было, и мне предстояло самому найти выход из крайне запутанной ситуации, казавшейся безвыходной.

Спасение мерзавца Мендосы, смерти которого с нетерпением ждала вся страна, было, на первый взгляд, делом глубоко безнравственным. Однако гибель диктатора не послужила бы сигналом к всеобщему восстанию. Оно пока ещё не назрело. В апреле 1973 года не было в Аурике того, что мы называем революционной ситуацией, и за убийством Мендосы неизбежно последовал бы приход к власти путчистов во главе с Ламберцем, относительно молодым и весьма решительным политиком крайне правого толка. Победа Ламберца означала бы продление агонии режима. Таким образом, выходило, что Мендоса объективно являлся меньшим из двух зол, и предотвращение готовившегося против него террористического акта было на руку прогрессивным силам. Итак, я мог с чистой совестью подарить Рохесу информацию Обезьяньего Зада. Но тут возникла целая серия новых вопросов, самым главным из которых был: а что, если заговорщики все-таки одержат победу и начнут розыск человека, предавшего их? Не исключено, что они имеют агентуру в охранке и моё имя станет известно им через час после того, как я доложу обо всем министру общественной безопасности. Просить Рохеса о том, чтобы он не расшифровывал меня перед своими сотрудниками, было бессмысленно: моя жизнь не представляла для генерала никакой ценности.

Поразмыслив как следует, я принял решение ничего не докладывать Рохесу и обезвредить террористов в одиночку. Это должно было выглядеть как простое исполнение офицером гвардии его служебного долга. Обыкновенная добросовестность, и ничего более.

Утром я отправился на площадь Свободы и, прохаживаясь перед усыпальницей Дельгадо, мысленно проиграл все возможные варианты действий террориста. Эта работа принесла мне успокоение и уверенность. Я хорошо спал в последующую ночь и пошёл на дело бодрым, со свежей головой. Тщательно проверив посты оцепления в своём секторе площади, стал наблюдать, как её постепенно заполняют высокопоставленные военные, депутаты парламента, члены дипломатического корпуса, телевизионщики, журналисты. Все они имели специальные пропуска, но, несмотря на это, каждый из них был придирчиво обыскан, прежде чем попал сюда.

В десять часов распахнулись ворота президентского дворца. Два офицера гвардии вынесли на площадь огромный венок, и он поплыл к мавзолею медленно и торжественно. За венком топал Отец Отечества, поддерживаемый сотрудниками личной охраны. Мендосу сопровождали члены Государственного совета, среди которых был и Рохес.

Я подтянулся поближе к усыпальнице. Мне было хорошо видно, как Нокс убрал караул от памятника Делькадо и как через минуту в образовавшуюся брешь юркнул худой молодой человек с узким бледным лицом. Правую руку он держал в кармане галифе. Полицейская фуражка была ему велика и сползала на уши, поэтому он то и дело поправлял её свободной левой рукой.

Этот парень являл собою карикатуру на террориста, но тем не менее никто не обращал на него внимания, потому что все были поглощены красочным зрелищем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.